

№ 3

Юрий БЕЛЯВСКИЙ НЕЛЕГАЛЬНЫЙ РЫЦАРЬ

Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА.

Знаменитый сатирик заметил как-то: «Критиковать нашу жизнь может только человек небольшого ума. Настолько все очевидно». И все-таки невероятность очевидного не дает покоя. Если глупость и абсурдность творящегося вокруг настолько очевидны, то совершенно невероятно, как все это может продолжаться? Поэтому кредо автора таково: «Делать все, чтобы приблизить вероятность видоизменения очевидного».

Handwritten signature: А.В. Мочалов

**БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА**

**№ 3
(1087)**

ИЗДАЕТСЯ С 1945 ГОДА

Юрий БЕЛЯВСКИЙ

НЕЛЕГАЛЬНЫЙ РЫЦАРЬ

Фельетоны и рассказы

Рисунки Г. ОГОРОДНИКОВА.

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
1990**

всех местных любителей пива, но это была не загранпутевка, а набор пивных кружек.

И тут, неожиданно вспомнив об одном письме, лежащем в моем редакционном столе, я задал фермеру Моку странный вопрос.

— Слушай, Ваня, — спросил я, — а как бы ты отнесся к тому, что руководство штата за успехи в сельском хозяйстве наградило бы тебя переходящим знаменем?

Идея переходящего звездно-полосатого флага довольно долго овладевала сознанием моего собеседника. Особенно трудно усваивалась им мысль о переходящести стяга. Однако задав несколько уточняющих вопросов типа: «И все бы знали, что этот флаг от правительства, потому что я самый лучший фермер?», он идею одобрил.

— Я бы обязательно прибил этот флаг на крыше ранчо и очень бы им гордился, — твердо сказал представитель самой считающей нации в мире, утвердив меня в мысли, что моральные стимулы рановато спивать в архив.

— А если бы к этому знамени тебе в придачу дали премию в 20 тысяч долларов? — не унимался я. Праправнук Ивана Мокеева посмотрел на меня сочувственно и осторожно, как у тяжелобольного, спросил: «За что?»

— За успехи в сельском хозяйстве, — как ни в чем не бывало продолжал я гнуть свое.

— Но за успехи я уже получил свою прибыль, — медленно, почти по складам, объяснил он мне. По выражению его лица я догадывался, что продолжение темы материального стимулирования не будет способствовать укреплению взаимопонимания между народами, но не удержался от еще одного вопроса.

— Ну хорошо, а как бы ты отнесся к тому, что люди, выдавшие тебе переходящий флаг, приказали бы: не менее трети своей прибыли ты обязан истратить на покупку книг, строительство личного бассейна, приобретение спортивного инвентаря или, скажем, на ремонт дома?

Лицо моего собеседника приобрело кирпичный оттенок, и в воздухе запахло международными осложнениями.

— Я, конечно, не ударник в джаз-оркестре, — отрезал он и перешел на официальное «вы». — Я — простой фермер, сэр, но никому и никогда не позволю делать из меня идиота. Моя прибыль — это моя прибыль. И я сам знаю, на что ее надо тратить. И хватит говорить о глупостях, уважаемый мистер. Лучше скажите, сколько еще лет можно рассчитывать продавать вам зерно?

По этому вопросу я отослал любознательного фермера во внешне-торговое объединение «Экспортхлеб», а сам задумался о письме, лежащем в моем столе.

Пришло оно из почти столь же далекого от Москвы, как ферма Джона Мока, сибирского совхоза. Но автор его, коммунист и директор этого советского хозяйства, не понимает того же самого, что не уклады-

вается в голове глубоко беспартийного американского фермера Джона Мока.

Почему кто-то там, в Москве, лучше, чем он и его коллеги-земледельцы, знает, куда пристроить полученную ими прибыль?

Впрочем, вот что он пишет: «Постановлением Совмина РСФСР и ВЦСПС наш совхоз награжден переходящим Красным знаменем и коллективу присуждена денежная премия в сумме 20 тысяч рублей. К сожалению, от документов, которые сопровождают это постановление, становится горько и смешно. Из разъяснений следует, что выплата премии должна производиться за счет... **СОБСТВЕННОЙ СОВХОЗНОЙ ПРИБЫЛИ**. При этом на премирование отличившихся работников совхоза может быть использовано не более 70 процентов выделенной суммы. Остальная часть премии должна быть истрачена на строительство и ремонт жилья, объектов соцкультбыта, приобретение литературы, на проведение оздоровительных и физкультурных мероприятий. Обо всем позаботились благодетели, готовившие эту разнарядку».

Действительно, обо всем подумали, кроме одного: зачем совхозу ПРЕМИЯ из его же собственной ПРИБЫЛИ? А то он, бедный, без Совмина и ВЦСПС не разберется, что с ней делать? Бедный, может, и не разобрался бы, а совхоз-то богатый. За бедность, по нынешним временам, Красных знамен не дают.

«Как бы себя почувствовали те,— продолжает автор письма,— кто подписывал это постановление, если бы их премировали за счет их же личного оклада жалованья?»

А ведь еще четыре года назад ЦК КПСС и Совет Министров СССР предоставили совхозам право распределять прибыль по собственному усмотрению. НЕЛЬЗЯ отныне любым вышестоящим органам засовывать нос в совхозный карман. Но, видимо, очень хочется. А если нельзя, но очень хочется, то... Правильно, можно. Как? А вот так. С Красным знаменем наперевес, с премией из совхозного же кармана в виде отвлекающего маневра.

А почему, собственно, так уж сильно хочется?

Да потому, что без этого могут позабыть неблагодарные крестьяне, из чьих благодетельных рук они воду пьют, возомнят о себе сильно и решат, не дай бог, что не начальственным мудрым провидением они на земле существуют, а собственным умом-разумом.

А коли возомнят такое... Это что ж начнется-то? И сеять будут, что захотят, и скотину пасти, где им удобнее, и миллион инструкций ни к чему, а сотни тысяч чиновников хоть с тоски и голоду помирай. Так, почитай, и знамена им вовсе ни к чему окажутся? А без казенных знамен нам никак нельзя, это дело по-ли-ти-чес-кое. (От словосочетания «политическое дело» наш чиновник мгновенно и привычно цепенеет, начиная творить любые глупости, лишь бы никто не усомнился в его политической лояльности.)

А там, глядишь, и урожаи у них пойдут, как у Джона Мока, и чув-

ство собственного достоинства объявится такое же, как у праправнука Ивана Мокеева. И гаркнут они в миллионы крепких крестьянских гло-ток знаменитую гневную фразу, тихо сказанную когда-то уже смертельно больным Ильичем: «Не смеет командовать крестьянином!» Ленина тогда не услышали, может, теперь услышат их?

А если не командовать, то тогда, между прочим, и переходящие знамена очень пригодятся. Не будут их благородные шелка и бархаты пылиться по углам директорских кабинетов. Потому что свободный человек, он ведь, ко всему прочему, еще и очень гордый.

Возьмет крестьянин свое Красное знамя, прибьет его на крыше избы и станет, наконец, им очень сильно гордиться.

Вот такое дело. По-ли-ти-чес-кое.

КТО НАЗВАЛ СОБАКУ КОШКОЙ?

В подъезде торговали мясом. Собственно, к моменту моего появления на лестничной площадке торг был уже закончен. Некто, с незапоминающимся и помятым лицом глубоко пьющего человека, стремительно удалялся в сторону ближайшего винного магазина, а две женщины, пристроив на подоконнике здоровенный оковалок килограммов на пять-шесть, деловито прикидывали, как бы его разделить пополам при помощи маленького, почти декоративного ножичка.

Увидев, что я остановился, одна из них, лет пятидесяти с лишним, в зимнем пальто с потертым каракулевым воротником, сказала несколько смущенно, как бы оправдывая свое пребывание в чужом подъезде:

— Вот мясо взяли...

— Как это взяли? — удивился я.

— Ну, купили... Видели, парень из подъезда выскочил? У него и взяли, — объяснила она и, видимо, сочтя объяснение законченным, добавила уже другим, деловым тоном: — Как думаете, на шесть кило потянет?

— Да как же купили-то? — продолжал удивляться я. — Ведь оно ж наверняка ворованное.

Моя собеседница промолчала, обиженно поджав губы, зато в разговор вступила ее компаньонша, до этого настойчиво терзавшая оковалок своим крошечным ножичком. Была она лет на двадцать помоложе, оправдываться явно не собиралась, а, наоборот, пребывала в настроении агрессивно-наступательном.

— Вы чо, мужчина? — сказала она громко и скандально. — Чо пристали? Во-ро-ван-ное... Ну взял человек на работе кусок мяса, так сразу вор, что ли? А кто не берет-то? Все несут. Сам-то небось тоже что-нибудь прихватил? — уже почти кричала она, указывая на мой дипломат. И, не дожидаясь ответа, мгновенно запахнув оковалок в безразмерную сумку, потянула старшую за рукав: «Пойдем, тетя Нин,

отседова, а то этот малахольный еще в милицию звонить надумает».

«Малахольный» звонить в милицию не стал. Вместо этого он взял «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля и решил отыскать в нем слово «несун». Словарь был очень толковый, но среди 115 тысяч толкуемых им слов «несуна» не оказалось. Не было его в «живом великорусском языке» сто с лишним лет назад!

Тогда достал «малахольный» с полочки словарь С. Ожегова, со времени составления которого прошло всего-то лет 20—25. Сергей Иванович Ожегов знал тоже немало слов, но и среди 57 000, известных ему, неологизм «несун» также отсутствовал. Не было его в словаре. «Вор», например, имелся, «жулик» — пожалуйста, «хапуга» и тот на 702-й странице пристроился, а «несун»... увы и ах! По всему выходило, что в шестидесятые годы «несли» еще далеко не все.

Про то, что наш язык велик и могуч, знает любой среднеобразованный шестиклассник. До того велик, что, кажется, всему в нем найдется и название, и объяснение. И все-таки время от времени слов не хватает. И тогда рождаются новые.

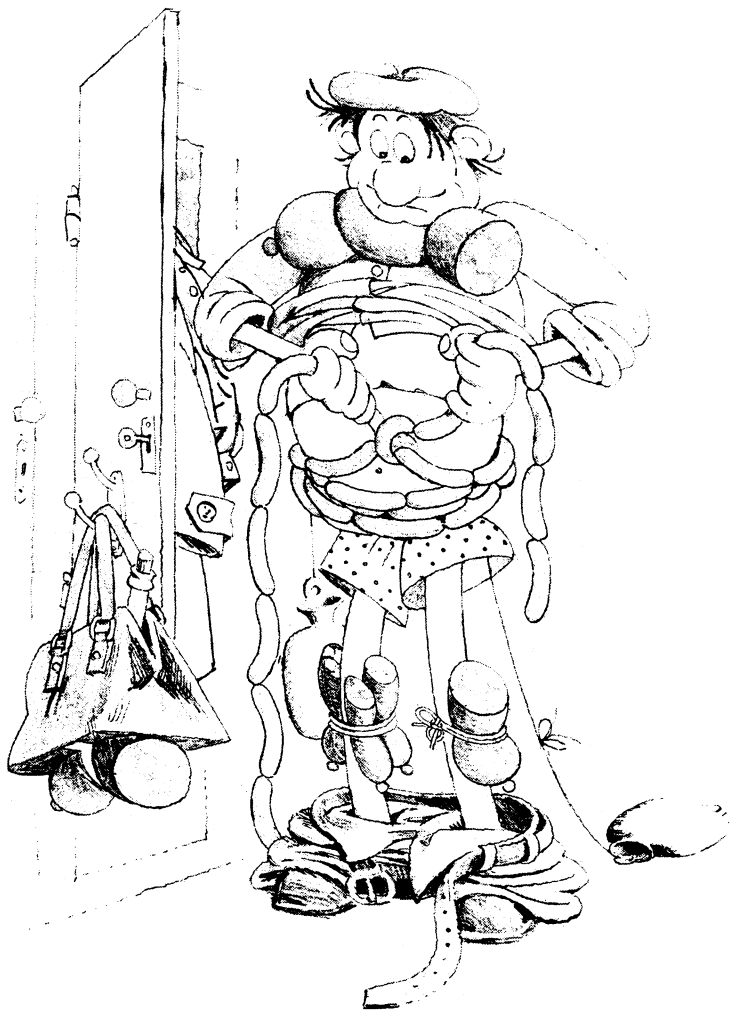
Времена, подходящие для появления на свет слова «несун», настали на рубеже семидесятых и восьмидесятых годов, когда рождались не только новые слова, но и новые чувства. Именно тогда, испытав ранее неведомое им «чувство глубокого удовлетворения» от всего творившегося вокруг, отдельные представители рабочего класса и трудового крестьянства «понесли» со страшной силой. «Несли» колбасу и гвозди, комбикорма и конфеты, стройматериалы и пуговицы... Несли все, что топадалось под руку, а попадалось буквально все. Не случайно в те времена родился анекдот про человека, собравшего пулемет из деталей, вынесенных им с фабрики детских колясок.

Росли армии охранников, ОБХСС устраивал облавы и засады, в народном контроле не хватало народу, чтобы контролировать народ, который «нес», «нес» и «нес»...

Поветрие мелкого воровства захватывало все более широкие массы трудящихся. Соседка, работавшая на чаеразвесочном комбинате, снабжала поддома импортным чаем в полиэтиленовых мешках. Девушка с чулочно-носочной фабрики разносила по квартирам колготки по дешевке, дядька с мясокомбината угощал знакомых сосисками, стибренными из «спеццеха».

Выросло целое поколение, кулившее только ворованные сигареты, ездившее только на краденом бензине, пившее только коньяк «Мерцающие звезды». И главное, не только не видящее здесь греха, но усматривающее в этом умение жить.

Во избежание упрека в том, что «малахольный» под впечатлением случайно увиденной в подъезде сцены нарочито сгущает краски, предлагая, как говорят в компетентных органах, ознакомиться. Так вот, только за два года этими самыми компетентными милицейскими органами за-

держано 1,6 миллиона «несунов». Причем, если верить специалистам (а почему бы, собственно, им не верить?), это далеко не все, кто «несет». В мясо-молочной, например, промышленности выявляется не более шести процентов мелких воришек. Если у вас под рукой нет микрокалькулятора, «принесенного» приятелем, работающим в электронике, то не поленитесь подсчитать на бумажке, сколько же их в стране на самом деле. Подсчитали? Страшно не стало? Да-да, двадцать с лишним миллионов человек. Да у кого ж, в самом деле, язык повернется назвать чуть ли не пятую часть всех работающих ворами? Тут и появляются спасительные новые слова. Например, «несун». Вроде бы даже и не очень оскорбительно. Эдакий хозяйственный человек с некоторой иронической окраской.

Интересным наблюдением поделился с нами один читатель: «По роду своей работы на мясокомбинате, — пишет он, — мне приходится сталкиваться с ворами, потому что я дружинник и на мне лежит обязанность расследования каждого случая хищения... За год через мои руки проходит около ста актов задержания. Да воры ли они? Ведь случаи эти принято именовать «мелкими хищениями», а тех, кто этим занимается, — «несунами». Ну, а того, чтобы вор сам назвал себя вором, я пока еще не встречал».

И вправду, читаешь присланные им в редакцию копии объяснительных и поражаешься их спокойному тону.

Один, ветврач, объясняет, что «взял мясо потому, что ожидал гостей». Все ж должны понять: гости — святое дело. Другая, рабочая, сообщает, что «нечаянно положила свинину в сумку, а ее у меня изъяли на выходе». Ну как не пожалеть рассеянную женщину! Третий, электрик, укравший 2,2 кг колбасы и 48 полиэтиленовых пакетов, не дрогнув, пишет: «Колбасу взял для еды на месте». Понятно же, хороший у человека аппетит. По два с лишним кило колбаски уминает за один присест, а пакетами закусывает.

В общем, и смех и грех. Но греха все-таки больше. Этак под смешки и прибаутки разнесем мы по домам полдержавы и никакой архангельский мужик да эстонский фермер, сколько бы ни рвали себе жилы, нас не прокормят.

Общеизвестно: чем бедней страна, тем больше в ней воруют. Теперь, когда наступила эра рассекречивания секретной статистики и мы неожиданно для себя узнали, что по уровню смертности, медицинскому обслуживанию, народному образованию да, почитай, по всему, действительно важному для нашей такой единственной человеческой жизни, располагаемся где-то в четвертом, а то и пятом малопочтенном десятке стран мира, имея с боков Шри Ланку и Гвинею-Бисау, интересно и весьма поучительно было бы узнать: а на каком месте мы по воровству? И исходя из этого делать выводы: богаты мы или бедны.

Но что же нам делать, бедным жителям богатой страны?

— Как это — что делать? — воскликнет утомленный «малахольными»

рассуждениями читатель, которому и так все ясно. — Сажать надо. Вон при товарище Сталине какой порядок был!

Это точно, при товарище Сталине порядок был. Большой Лагерный Порядок. Когда двадцать лет за «пять колосков», а пятнадцать — за шесть тысяч метров пошивочного материала, которые оказывались тремя катушками ниток. Он бы и сейчас быстренько упрятал миллиончиков пятьдесят народу по тюрьмам. И наступил бы порядок. Гробовой.

А так, чтобы без гробового порядка или вселенского воровства, мы не можем, что ли? Или — или? И третьего не дано?

Знаете, что меня поразило более всего в уже цитированных объяснительных записках? Обилие фраз типа: «подобрал то, что валялось», «нашла в мусорнике», «унес то, что все равно пропало бы».

Лет пять назад в одной из южных областей пришлось мне наблюдать, как трактора запахивали бескрайнее поле со зрелыми томатами. Смотрел я на это и думал: «Господи, да украл бы кто эти помидоры прошлой ночью, все больше проку было бы».

Уверен, что воруют больше всего там, где все равно пропадет. Идет рабочий к проходной, рассовав по карманам пять пригоршней винтов и шурупов, на душе неспокойно, но видит, что под забором уже третий год привычно ржавеет импортное оборудование миллионов на пять. И думает он себе: «Разве это я украл? Вот люди украли, так украли!»

Тащит тетка с овощной базы пару кило апельсинов и утешает себя: «Так ведь три тонны и без меня уже сгноили».

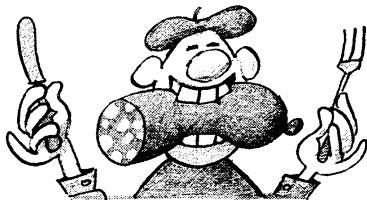
Вывозит шофер с лесокombината грузовик ворованных стройматериалов и объясняет потом приобретающему их «честному» гражданину: «У них-то под дождем и снегом все равно сопреют».

Ну так что же нам все-таки делать, бедным гражданам богатой страны?

Думаю, что для начала — знать правду о самих себе. И называть кошку — кошкой, вора — вором, бедность — бедностью, а «отдельные недостатки в использовании и хранении» — преступным неумением управлять.

А узнав эту малопривлекательную правду, решить всем вместе и каждому по отдельности. дано нам третье или не дано?

Ну, а если не дано, то что ж... За год растаскиваем казенного добра на миллионы рублей. Держава богатая, еще на немножко хватит.

ДОРОГИ НА НАЛОГИ?

(Опыт вариаций на классическую тему)

«Теперь у нас дороги плохи...»

А. С. Пушкин «Евгений Онегин».

«Единственное, с чем я не могу смириться в России, это рытвины. Отчего по всей Западной Европе нет рытвин?»

Из письма И. С. Тургенева Л. Н. Толстому.

Что характерно, ведь и нынче дороги не хороши. Не знаю, существовала ли во времена написания Александром Сергеевичем «энциклопедии российской жизни» статистика того, сколько кабриолетов, бричек и возов перевернулось из-за неудовлетворительного состояния дорог, но в наши дни она имеется. И если лет эдак сто с лишним назад классики задавали вопросы по поводу рытвин друг другу посредством переписки, то теперь эти проблемы выясняются у должностных лиц при личной встрече.

Во всяком случае, в Главном управлении Госавтоинспекции СССР все знают точно. Именно там мне сообщили, что в 1988 году по причине плохих дорог произошло 34365 дорожно-транспортных происшествий, то есть почти 13 процентов из всех автокатастроф года.

Погибло в результате этих почти тринадцати процентов 6034 человека, а раненых было 38817. Это по официальной статистике. А вот ученые — как отечественные, так и зарубежные, — в своих оценках куда строже. Они считают, что фактор некачественной дороги становится сопутствующей причиной более чем 70 процентов автомобильных аварий.

Отчего же такой разницей в трагических процентах? Да потому что как бы кощунственно это ни звучало, но так удобней. Кому? Да, честно признаться, многим.

Следовательно, замордованному десятком других дел, удобней написать, что водитель не справился с управлением, чем кропотливо и многомесячно доказывать вину конкретного дорожника, когда-то халтурно нарушившего все на свете СНиПы, отчего именно в этот роковой вечер появилась на дороге колдобина, из-за которой серая «Волга» на полной скорости врезалась в бок бежевого «Жигуленка».

Удобней исполкомам — водители, мол, сами виноваты, а потому можно спокойно взирать на выщербленные, как после зрительского, мостовые и утешать себя тем, что дыры на дорогах не самые большие во вверенном им многопрофильном хозяйстве. Вообще прохладное отношение разнокалиберного начальства к дорожным проблемам просто поражает. Ну хорошо, можно ходить в специмагазины и не отягощать зрение

созерцанием пустых прилавков, можно поправлять здоровье в спецполи-клиниках и не мучить себя в очередях к участковому терапевту, но спец-дорог пока вроде бы еще не придумали? Впрочем... Похоже, что недолго осталось ждать. Во всяком случае, в славном городе Кисловодске довольно значительный участок лучшей городской магистрали превратили в «спец». Пускают на него только машины со спецпропусками, да еще, так и быть, маршрутные автобусы. А весь остальной транспорт газует в объезд по гористой местности, отравляя бывший целебный воздух города-курорта дополнительным выхлопом СО. Вы уже догадались, что это за «спецучасток»? Да-да, именно на нем стоит местный горком партии. Чтоб, значит, не громыхало под окнами. Все-таки в ранние времена отдельные генерал-губернаторы поступали демократичней — проезд мимо резиденции позволялся всем телегам, даже самым немазаным, а для спокойствия начальственных ушей «спецучасток» выстилался соло-мой.

Извинимся, однако, перед читателем за пространное спецотступление и вернемся к «удобствам».

И уж, конечно, удобней всего самим дорожникам. Они отвечают только за план, а к трупам на асфальте никакого отношения не имеют.

Правда, за все эти «удобства» расплачиваться приходится нам. И ладно бы когда деньгами, а то ведь кое-кому и собственной жизнью...

Про наши дороги можно сказать много плохого и мало хорошего. Из писем читателей, посвященных состоянию дорог, можно составить многотомное собрание сочинений с общим заглавием «Эй, дороги!». Можно посчитать, сколько продовольственных программ осталось лежать высыпанными на отечественном бездорожье. Можно догадаться, почему советский автомобиль — самый ремонтоемкий в мире, а советский черный рынок — самый ненасытный по части запчастей. Можно... Но можно ограничиться и краткой цитатой из газеты «Правительственный вестник», где двое вполне ответственных работников Минфина СССР сообщают: «В связи с неудовлетворительным состоянием автомобильных дорог страны, и прежде всего Нечерноземной зоны РСФСР, государство несет огромные потери при транспортировке материальных грузов и перевозке пассажиров». Коротко и ясно. Как говорится, умри, Денис, лучше не скажешь. А вот дальше... Выступление официальных лиц в издании со столь обязывающим названием, видимо, следует рассматривать как хоть и запоздалую, но все же попытку снять то, мягко говоря, недоумение, которое испытали миллионы автовладельцев, узнав, что отныне налог на их «коней» становится в два раза больше и составляет пятьдесят копеек с каждой лошадиной силы. От дальнейших объяснений наше, мягко говоря, недоумение, наверное, должно бы смениться чувством, строго говоря, глубокого удовлетворения. Потому что «...для исправления положения принята Государственная программа строительства и реконструкции автомобильных дорог Нечерноземной зоны РСФСР». И это замечательно. Многострадальному Нечерноземью

надо помогать. Столько десятилетий его безжалостно гробили, что пора хоть как-то возвращать ему долги. И даже такая небезобидная для собственного кармана идея, как: «...покрыть часть расходов государства по строительству автомобильных дорог за счет граждан, владеющих транспортными средствами», не казалась бы особенно страшной, если бы...

Если бы эти дополнительно-ежегодные 250 миллионов рублей, собранные за счет увеличенного налога, действительно могли Нечерноземью помочь.

В Минавтодоре РСФСР, главном торителе нечерноземных автопутей, мне в очередной раз сообщили старую, как российское бездорожье, истину — не в деньгах счастье. Счастье, оказывается, это когда за деньги можно что-то купить. Например, бетон и металл, без которых современную дорогу не построишь. А для этого испокон нашего с вами веку в нашей с вами стране нужны не столько деньги, сколько фонды. Вот их и за деньги не купишь. А еще нужны дорожные машины, много и хорошие. И их за деньги, во всяком случае, за те сугубо неконвертируемые трешки и пятерки, которые мы указопослушно понесем в налог, тоже не купишь. (Правда, как поведали мне в том же российском Минавтодоре, умудрились приобрести для Нечерноземья не сильно конвертируемые алжирские экскаваторы по французской лицензии. Но они могут работать только летом. Почему? Выяснилась совершенно неожиданная для приобретающих климатическая подробность — оказывается, в Алжире зимы не бывает.)

А деньги что ж... От их отсутствия автодорожники давно не страдают. Вот уже три десятка лет все наши предприятия, от завода-супергиганта до распоследней парикмахерской, отчисляют на дороги сначала 0,02, а с недавних пор и 0,04 процента прибыли. А автотранспортники — так и вовсе два процента. А дороги на одной шестой части планеты продолжают оставаться... (Впрочем, об этом смотри переписку классиков.)

В общем, увеличивать налог автодорожники не просили. Потому что, как справедливо они замечают: «На полтинник с лошадиной силы дорогу не построишь!»

А если и построишь, то, наверное, только в сроки, провидчески предсказанные все тем же А. С. Пушкиным. Помните?

*«...Со временем (по расчисленью
Философических таблиц
Лет чрез пятьсот) дороги, верно,
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут».*

Со времени написания «Евгения Онегина» прошло 158 лет. Значит, до срока «философических таблиц» осталось 342 года. Если предположить, что налоги и стоимость дорожных работ за это время не изменят-

ся, то налоговых денег, собранных за три с половиной столетия, хватит примерно на 170 тысяч километров. (Для справки: по программе строительства дорог для Нечерноземья к 1995 году необходимо проложить более 200 тысяч километров.)

Счет, представляемый ныне государству вековым нечерноземным бездорожьем, идет на большие миллиарды. И боюсь, что наши с вами мятые рубли положения не исправят.

Один весьма высокопоставленный товарищ, с которым мне пришлось обсуждать проблему резко подскочившего автоналога, раздумчиво заметил: «Подумать только, неужели наши автолюбители такой мелочный народ. И увеличился-то налог, почитай, на рубль в месяц, а шуму-то, шуму сколько развели!» Думаю, что дело все-таки не в патологической жадности представителей автоплемени. Особенно если учесть, что содержание и эксплуатация автомобиля обходятся советскому человеку как минимум рублей в 60—70 за месяц. Из-за рубля ли тут бушевать? Дело скорей всего в другом. Людям надоело платить неизвестно за что.

Ну, посудите сами: состояние дорог с каждым годом становится все хуже и хуже, запчасти все дефицитней и дефицитней, сервис все недоступней и недоступней. Я гроблю на рытвинах и колдобинах свою самую дорогую в мире (в сопоставимых, конечно, ценах) машину, без всякой практически надежды приобрести в обозримом будущем новую, а тут мне не то что без обсуждения, но и без всякого предупреждения подкидывают стопроцентную надбавку к налогу. Государство несет убытки, и я должен ему помочь? Но государство — это я, и я несу убытки, вполне сопоставимые с государственными. Ведь я уже много лет плачу автоналог, а моя черноземная, суглинистая, песчаная, горно-щебеночная или какая она там еще дорога от этого лучше не становится!

Так, или примерно так, рассуждает рядовой автоналогоплательщик, разглядывая свой покореженный «Жигуль» после исполнения автородео с незатейливым названием «Поездка к теще в деревню». Потом он смотрит по телевизору полуфантастический сюжет об очередной скоростной автострате где-нибудь на черноземной Мичиганщине, с нарастающей тоской вспоминает марсианских размеров кратер на двенадцатой версте родной нижефердыщенской дороги и, свирепо цыкнув зубом, принимается писать письма в вышестоящие органы, высказываясь разными словами по поводу этого самого дополнительного рубля в месяц.

Вот такой механизм общественного недовольства. Можно, конечно, во избежание запретить показ по нашему телевидению их дорог. Это удобней. Но ведь можно и по-другому. Можно же в конце-то концов не перечислять налог, собранный с автолюбителей Нижнефердыщенского района, в бездонный и, прямо скажем, довольно абстрактный госбюджет, а передать его в распоряжение местной Советской власти. С широким оповещением граждан через нижефердыщенскую прессу. А в конце года поведать налогоплательщикам-избирателям: хватило ваших де-

нежек, ребята, на то, чтобы заделать четыре рытвины и шесть колдобин. Это, наверное, хлопотней. Но думаю, что количество разных слов в вышестоящие органы резко сократится пропорционально сокращению колдобин.

В число «всех удобств», присущих малогабаритным апартаментам советских граждан, персональный бассейн пока не входит. Но зато каждый имеет собственный автобассейн, состоящий из окрестных дорог, по великим грязям которых ему приходится регулярно ездить, а порой (в промежуточные времена года) и плавать на автотранспорте без всякой, заметьте, воздушной подушки. И если «на полтинник с лошади» дорогу не построишь, то, может быть, на много полтинников ее можно хотя бы содержать в более-менее пристойном состоянии? Мою дорогу на мои полтинники. Может, получится, если попробовать? И если получится хоть чуть-чуть... «Мелочные» автолюбители, можете не сомневаться, продемонстрируют всю широту своих измученных классическим «бездорожием и разгильдяйством» душ. А там, глядишь, чем черт не шутит, еще и образуется совершенно общественный «Фонд попечительства нижефердыщенских автодорог». Без штатных начальников, но с добровольными пожертвованиями. Потому что государство — это все-таки я. И мне так удобней.

ПИВНОЙ ВОПРОС, или Кое-что о плюрализме

В один из промозглых дней октября слесарь-инструментальщик С. побил лицо наладчику радиоаппаратуры Т.

Произошло это событие на тихой московской улице в начале седьмого часа пополудни в очереди к насквозь продуваемому ларьку с безобидной вывеской «Квас», где продавался в общем-то столь же безобидный в нормальных жизненных условиях напиток — пиво.

Инцидент между двумя высококвалифицированными представителями рабочего класса возник в связи с желанием одного из них получить кружку слабоалкогольного пенистого напитка без очереди. Это желание показалось другому недостаточно мотивированным, после чего и состоялось вышеозначенное битие лица, сопровождавшееся с обеих сторон употреблением хотя и широко известных, но пока все еще нецензурных выражений.

— Тоже мне новость, — воскликнет разочарованный читатель, — обычная пьяная драка!

Ошибаетесь, уважаемый! Проследовав за гражданами С. и Т. в ближайшее отделение милиции, куда они были увлечены прогуливавшими-ся возле бывшего квасного ларька людьми в серых шинелях, я убедился,

что граждане так же трезвы, как младенец после порции питательной смеси из молочной кухни. Более того, экспресс-проверка их нравственного облика показала, что сорокадвухлетний С. и сорокапятiletний Т. ранее общественного порядка не нарушали и по месту работы характеризуются как замечательные производственники и крепкие общественники.

Что же заставило двух вполне взрослых и абсолютно трезвых мужчин, забыв о производственных успехах и общественных нагрузках, сцепиться в петушиной схватке из-за несчастной кружки пива?

Думаю, что вовсе не врожденная агрессивность и, уж конечно, не желание размяться «на кулачках» после отработанной смены. Позволю даже себе предположить, что с гораздо большим удовольствием они могли бы вполне мирно побеседовать за кружкой пива о проблемах внедрения бригадного хозрасчета или о трудностях, ожидающих московский «Спартак» в связи с отъездом Дасаева в Испанию. А допив пиво и похлопав друг друга по плечам, договорились бы о встрече здесь же для продолжения содержательной беседы. Да мало ли о чем могут разговариваться два уважаемых отца семейства в теплой пивной после смены, вместо того чтобы чистить друг другу физиономии на дождливой и промозглой улице?

Могли бы, конечно. Да вот чего-то им для этого не хватает. Вы уже догадались, чего? Да-да, именно этой пивной.

— А почему обязательно в пивной? — взъерится адепт принудительной трезвости, находящий алкогольные градусы даже в кефире и подозрительно поглядывающий на черный хлеб. — Пусть лучше беседуют о том же в безалкогольном кафе за чашкой ароматного чая!

Пусть. Но ведь не беседуют же. И не только потому, что трижды восславленных чайных так же мало, как и четырежды проклятых пивных. Еще и потому, что они взрослые и самостоятельные люди, которые сами вправе выбирать подходящие им напитки. Так же, впрочем, как и отвечать за последствия сделанного выбора. Потому что еще шестьдесят лет тому назад один товарищ, ставший впоследствии гениальнейшим поэтом нашей эпохи, заметил, что класс жажду не запивает квасом, а за прошедшие с тех пор десятилетия борьбы и труда вкусы у класса на этот счет, увы, не переменялись.

Но вернемся к гражданам С. и Т., понуро сидящим на милицейской скамье для мелких хулиганов. Чем они хуже слесаря-инструментальщика Краузе или наладчика радиоаппаратуры Хольтца, употребляющих пиво в городе Берлине? Имея случай пообщаться и с теми, и с другими, со всей определенностью могу сказать — ничем. Разница, пожалуй, в том, что с одними я беседовал за кружкой пива в аккуратной пивной, а с другими — в отделении милиции. Впрочем, разница еще и в том, что на 1,2 миллиона жителей Берлина приходится две тысячи учреждений для питья пива, а на 8,5 миллиона москвичей их 116 да еще 184 срочно перефилированных под пиво бывших квасных палаток. Можно бы при-

вести подобные сведения по поводу, допустим, Крыжополя и, скажем, Карлсруэ, да чего уж зря душу травить. И столичных сравнений вполне достаточно.

Вопрос о том, будут ли геноссе Краузе и Хольтц бить друг другу лица из-за кружки пива, отпадает сам собой. А вот вопрос о праве граждан С. и Т. на то, чего им хочется, продолжает, как принято выражаться в руководящих инстанциях, очень сильно стоять.

И дело тут не только в слабоалкогольном пенистом напитке, которого не хватает, а в том, чего по-прежнему хватает, и аж по горло. Настолько хватает, что, может, и вправду хватит?

Хватит радостно орать о дживых «зонах трезвости», откуда толпы злых и трезвых людей на бульдозерах и автокранах устремляются в соседние зоны в экспедиции за бутылкой.

Хватит со слезами восторга на воспаленных очах рапортовать о миллионах административно вовлеченных в общества повальной трезвости, когда добрая половина членов общества очень смутно представляет, за что, собственно, содрали с них два рубля очередных взносов.

Хватит истерик об алкоголизации общества, под которые очень удобно вырубать виноградную лозу, а потом вводить антисамогонные талоны на сахар.

Хватит эмоциональных управленческих решений. Хватит с присущим нам энтузиазмом бросаться в любую кампанейщину, предрекая ей небывалые успехи, а потом, смущенно откашливаясь, говорить об отдаленных недостатках и допущенных перегибах на местах.

Давайте спокойно и трезво посмотрим на самих себя. И совершенно неожиданно увидим, что есть не только алкоголики, которых надо лечить, но еще и остальной народ, который не надо унижать, приравнивая его к этим алкоголикам.

И этот остальной народ, выйдя из заводской проходной после смены, имеет право на свою кружку пива. Если он этого хочет. Или на свою чашку чая, если она ему больше нравится. И пусть себе выбирает. Не только директора на заводе, но и напитки за проходной. Есть такое крамольное предложение. По поводу плюрализма в остростоящем пивном вопросе.

ТУНДРЕ — ВЫШКА?!

Опыт синтетического смешения жанров

1. МИНЫ ИДУТ!

(былина)

«Мины идут!» Эта весть летела над полуостровом Ямал со скоростью стрелы с наконечником из рыбьей кости.

«Мины идут!» И олени, тревожно прядая чуткими ушами, изменяли многовековые маршруты каланиа¹, испуганно уносясь все дальше на север.

«Мины идут!» — замирая от ужаса, пищали мышки-лемминги собравшимся их сожрать диким песцам, отчего те мгновенно теряли аппетит и, поджав хвосты, начинали иступленно щипать тундровый лишайник.

И только хозяева тундры, называвшие себя олеными людьми, не испугались. Они почесывали твердыми пальцами жесткие свои затылки и уверенно говорили друг другу: «Ничего, братка, Советская власть защитит нас от минов».

Полчища минов надвигались с юга. Там, где они проходили, горела тайга, гибли животные, в истерзанную землю ложились громадные трубы, а возле них возникали небольшие крепости — компрессорные станции. И вот настал день, когда мины появились в окрестностях полуострова. Плотные их колонны шли тяжелым и уверенным шагом конкистадоров, способным вытоптать даже вечную мерзлоту. Яростно сверкали на скупом полярном солнце отточенные ножи их крутобоких бульдозеров. Змеиные головы ковшей экскаваторов хищно покачивались, готовые грызть неподатливую землю. На боевых знаменах были начертаны грозные имена самых могучих и знаменитых миновских дружин — Мингео, Миннефтегазстрой, Минтранстрой.

Сначала в тундру проникли отряды разведчиков из дружины знатного мина по имени Гео. Дружинники были мужественны, бородаты и доброжелательны.

— Мингео пришел! — весело сообщали они оленям людям, и те, доверчиво улыбаясь, приглашали их в свои чумы, подвигались, освобождая место у огня, делились мясом и рыбой.

А бородатые между тем сверлили в тундре глубокие дыры, и через них на поверхность вырывалось вещество с неприятным запахом и коротким названием «газ».

Бородачи продвигались все дальше и дальше, оставляя на десятки километров вокруг просверленных дыр — нефтегазоразведочных бур-

¹ Традиционные маршруты перемещения оленей от пастбища к пастбищу (ненецк.).

вых — тонны ржавого железа и застывшего бетона. И живая тундра становилась мертвой землей.

Вслед за разведчиками потянулись и главные дружины. Там, где проходили их вездеходы, ягель не вырастал полвека, а в реках, где они мыли свои машины, исчезала рыба.

Родная тундра, милая холодная родина, уходила у оленых людей из-под ног. «Но есть же, братка, у Советской власти законы? — говорили они друг другу. — Нельзя же просто так прийти и забрать у человека родину?» Законы были. Были нормы отвода земель. Но мины и не думали их соблюдать. За годы нефтегазового освоения площадь уничтоженных оленых пастбищ превысила эти нормы в 23 раза.

Нашествие минов еще только начиналось, а твердые пальцы оленых людей все чаще чесали жесткие затылки, и все чаще вспоминали тундровики Советскую власть: когда же наконец придет она своих красноречивых всадников, чтобы спасти тундру от коварных минов?

И еще один вопрос мучил оленых людей, видевших, как методично и напористо уничтожают мины их родину. А есть ли родина у минов?

Но здесь мы прервем былинный сказ, потому что для ответа на этот вопрос никак не обойтись без эпоса.

2. РОДИНА МИНОВ

(эпос)

Эпоса было много. То есть был сплошной романтический эпос.

«Газ Уренгоя — подарок Родине!», «Даешь газ Ямбурга!» — ковали эпос газетные заголовки.

Поэты, сверкая очами, отливали эпос в рифмы, бросая горящие строфы вслед отъезжающим в Западную Сибирь ударным комсомольским отрядам.

Композиторы ласкали длинными пальцами клавиши роялей, сочиняя задушевные мелодии к эпическим ораториям, посвященным романтике трудных будней. На экранах крепкие небритые парни радостно умывались нефтью, смешивая ее с суровой мужской слезой на своих обмороженных щеках.

Эпос крепчал. И вот уже нефтегазопровод, гнавший достояние страны за ее пределы, торжественно именовался очередной «стройкой века». Пахучее национальное богатство превращалось в ничем не пахнущие нефтедоллары, а из них в австрийские сапожки, канадские дубленки и финскую колбасу. И все было хорошо. Но, пожалуй, особенно хорошо было могучим МИНИСТЕРСТВАМ (тем самым былинным минам), набравшим тогда, подобно героям эпоса, небывалую силу.

Плохо было природе. Я пытался выяснить общий ущерб, нанесенный природе за годы нефтегазово-колониального освоения Западной Сибири. Никто из моих ученых собеседников назвать точной цифры не

решился. Немудрено. Страшно, счет-то на миллионы идет. Похоже, что подсчитают потом. Эх, наука, наука! Недаром один из твоих жрецов называл тебя могильщицей, приходящей на поле боя, чтобы подобрать трупы.

Но стонов бессловесной природы за водопадом слов, посвященных героизму министерств, крепящих могущество Родины, конечно, никто не слышал.

Но иногда среди эпического шквала аплодисментов вдруг начинало казаться, что родина у министерств все-таки какая-то другая. Маленькая такая родиночка, этажей на 10—12, с вахтером у входа и теплыми кабинетами внутри. В одной только Москве таких родин можно насчитать без малого сто. И интересы у каждой из них свои, и могущество свое, и патриотизм, ясное дело, тоже свой — ведомственный. На ведомственной родине не текут реки и не растут деревья. Вместо грома там селектор, а вместо солнца улыбка министра. Вместо обычных людей там живут только начальники и подчиненные. И даже привычные вроде понятия там другие: вместо «милосердия» — «план», вместо «доброты» — «выработка», а вместо «подумаем о будущем» — «любой ценой». И знамена свои, и даже гимн свой, начинающийся со слов: «В своих дерзаниях всегда мы правы!».

Прав, как известно, тот, у кого больше прав. Ну, а у кого же прав больше, чем у командующего на поле боя? Поэтому министерства всегда воюют. Изредка между собой, а постоянно — с природой. Они беспрерывно ее покоряют и что-то у нее отвоевывают. А уж если покорят, то по тому же праву завоевателя пускают на поток и разграбление.

Эпос любит военную терминологию. Поэтому отчеты министерств более всего напоминают реляции с поля боя.

Война требует денег. Поэтому министерства осваивают не только территории, но и средства. «Мы освоили миллиард рублей!» — гордо заявляет один мин. «А мы два!» — перебивает другой. (Это у них соревнование такое. Кто больше сдерет с государства денег.)

Тактика и стратегия этой бесконечной войны разработаны министерствами досконально. Но... боевые действия приносят все больше жертв. Народу хочется пожить с природой в мире. Барабанная дробь эпоса надоедает. И тогда на смену ему приходит миф.

3. ЭКОНОМИКА ДОЛЖНА БЫТЬ ЭКОНОМНОЙ (миф)

Во времена выдающегося госдеятеля, пустившего эту фразу гулять по свету, все было предельно ясно. Взять у природы как можно больше, отдав ей за это как можно меньше. И тогда экономика будет экономной. Вот здесь-то и начинался миф.

— Надо взять как можно больше газа! Вперед, на Ямал! Там уни-

кальные месторождения! Отвоюем их у вечной мерзлоты! В жизни всегда есть место подвигу! — шумят воинственные мины.

— А зачем? — спокойно спрашивают ученые люди, желающие мирного сосуществования с природой. — В Западной Сибири, кроме Ямала, 400 месторождений, из них 100 уже находятся в разработке. На полвека хватит. Да в одной только Тюменской области у вас ежегодно сторает в факелах 17 миллиардов кубометров попутного газа. Возьмите его, заодно и тайгу сэкономите. И так в мире каждую минуту гибнет 24 гектара леса. Хватит искать место для подвигов, пора работать.

— Это же экономически выгодно! Вложим миллиарды — получим триллионы! Всем же лучше будет! — продолжают творить миф министерства.

— Неужто? — отвечают другие ученые люди, обученные считать. — А может, лучше на эти денюжки построить эдак миллиончиков пять квартал для людей, или сделать для них же 20 миллионов «Жигулей», или, чем черт не шутит, 200 тысяч километров хороших дорог через страну протянуть? Может, это все-таки лучше, чем угробить за те же деньги замечательный полуостров?

— Да нешто мы угробим! Мы ж по нему на цыпочках пройдем. После нас только лучше будет — и олешкам, и людишкам. Нам и надо-то всего ничего: шесть ниток трубопроводов протянуть да дорогу железную построить, — уговаривают мифотворцы.

— Ох, не пройдете на цыпочках! — замечают третьи ученые люди, у которых сердце за Ямал болит. — У вас и техники-то специальной нет, чтобы тундру садить. Вытопчете ягель — оленей изведете. А без них и двадцати тысячам коренных жителей — ненцам, ханты, коми, селькупам — конец придет. Не жалко оленьих людей? Так хоть своих детей пожалейте. А как растеплят ваши трубопроводы вечную мерзлоту, да поднимется от этого температура на планете на два, а то и на четыре градуса, да пойдут по всей Земле засухи и суховей, тогда что скажете? Это нам всем почище озонной дыры выйдет. Ведь Ямал не просто полуостров, а природный холодильник, регулирующий планетарный климат.

— Да сэкономим мы вам мерзлоту вашу любимую. Такой план природоохранных мероприятий отгрохаем, читать будете и плакать от радости, — заверяют любители мифов.

— Лучше бы все-таки без слез прожить, — вступают четвертые люди, до того ученые, что аж до самой Аляски доехали.

— А плакать, по всему видать, придется, если вы даже технико-экономического обоснования толкового не имеете. И денег вам на это жалко, да и времени, как всегда, не находится. Вон американцы на Аляске почти полмиллиарда долларов на предпроектные изыскания угрохали, а все равно без ошибок не обошлись...

Здесь автор позволяет себе прервать плавное течение дискуссии. Пусть спорят, подбрасывая на весы истины, кроме центнеров доказательств, пуды ведомственных интересов и килограммы личных амби-

ций. Не будем им мешать. Уже сам факт, что непрерываемые мины стали снисходить до спора, дорогого стоит. Значит, меняется все-таки что-то в нашей жизни. Раньше-то небось гаркнули бы зычно на ученых крикунов, и тех как не бывало. А по нынешним временам, может, и выпороть они отсрочку для сегодо Ямала. Пусть спорят.

А мы предадимся увлекательному занятию — дилетантским рассуждениям и задаванию риторических вопросов. Ведь в конце концов именно нам, дилетантам, жить на той планете, которая останется после упражнений ведомственных профессионалов. Да и упражняются профессионалы на наши дилетантские денежки.

При всей своей дилетантской простоте мы догадываемся, что нефть и газ добывать надо.

— А сколько?

— Сколько надо.

— А сколько надо?

До недавнего времени ответ на этот наивный вопрос был категорически ясен: чем больше, тем лучше. Как в старом анекдоте, когда у человека спросили, что он будет делать с вагоном яблок. «Съем», — сказал человек. «Ну, а с теми, которые не съешь?» — «Те надкушу», — не задумываясь ответил он. Побросав уже надкусанные месторождения, мины готовы хищно вцепиться в лакомое ямальское яблочко. Зачем? Для того чтобы наращивать объемы, героически перевыполнять планы, оправдывать свое безбедное существование.

«Ну, испоганим еще один кусок нетронутой природы, — рассуждают они, — зато газу будет... Себя ублажим от пуза, а что останется, за границу продадим. Вот уж на радостях погуляем! И не надо морочить голову энергосберегающими технологиями да всякими разными экологиями. Мы страна богатая, а после нас хоть...»

А что все-таки после нас? Очень похоже, что ничего хорошего. Еще несколько десятилетий мины поперевыполняют планы, ими же для себя нарисованные, и привет! Некому и не для кого будут планы выполнять. Последний человек пропищит что-нибудь на прощание, как мышка-лемминг, а бульдозеры и экскаваторы застынут, как мамонты и динозавры. Вот такая заманчивая перспектива получается...

И все-таки трудно нынче минам приходится. Времена героического эпоса и военных действий, судя по всему, подходят к концу. Да и в мифы, даже экономические, все меньше и меньше людей верит. Да и как верить-то? Народ у нас образованный стал, как-никак самый читающий в мире. Про экономную-то экономику долго на слово верил, а тут взял и про экологию прочел. И узнал для себя неожиданно, что если экономика — наука, как вести хозяйство в доме, то экология — про то, как этот дом сохранить. А не сохранивши дом, какое уж тут хозяйство? Не хозяйство, а так, один миф.

СУБЪЕКТИВНЫЙ БОТИНОК

Хмурый человек в прохудившихся, сморщенных ботинках стоял посреди Дома обуви и беззвучно, но выразительно шевелил губами. Была середина декабря, и толбик термометра неумолимо подбирался к двадцатиградусной отметке. Хмурый человек недоуменным взором шарил по полкам, уставленным домашними тапочками, и его артикуляция становилась все более отчетливой. Пожалуй, единственной альтернативой шлепанцам могло служить странное сооружение из пыльного сукна и тусклой резины, еще на заре нашего века окрещенное грустным именем «Прощай, молодость». Но один только взгляд на это сооружение порождал в душе мысль о бренности всего земного и отбивал всякое желание ходить по земле.

Беззвучная артикуляция хмурого человека достигла темпа «аллегро», и, неожиданно обретя голос, он поведал окружающим все, что думает об этом Доме, об этой обуви и о тех, кто ее делает.

Как ни странно, более всего его возмущала даже не перспектива и дальше ходить в старых башмаках, а наличие в городе огромного коженно-обувного комбината. В его утомленном поисками сознании никак не могли мирно сосуществовать два взаимоисключающих факта: комбинат есть, а обуви нет. Сам хмурый человек работал слесарем-сборщиком на местном автогиганте, и продукция его родного предприятия появлялась в розничной торговле еще реже, чем теплая обувь. Но все объективные трудности автомобилестроителей он знал наизусть. А вот отсутствие ботинок объяснял исключительно злой волей обувщиков, не желавших обуть лично его в соответствии со сводкой погоды. Наша беда могла бы затянуться надолго, если бы не вмешательство стоявшей рядом женщины. «Чем даром языками трепать,— вежливо заметила она,— шли бы лучше на базар. Там у кооперативщиков ботинок этих хоть завались». Мысль показалась интересной, и мы разошлись, договорившись о завтрашнем randevu на базаре.

ВЕЧЕРА ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЧИН

Один знающий товарищ как-то заметил, что пессимист — это хорошо информированный оптимист. Действительно, последние крохи обувного оптимизма таяли, как мартовские сосульки, по мере знакомства с печальной судьбой городского коженно-обувного комбината.

Хмурая печать неблагополучия лежала не только на лицах директора и главного инженера этого предприятия, лиловый ее оттиск, казалось, тяжело припечатывал весь четырехтысячный коллектив вместе со всеми его основными и оборотными средствами.

Толстые папки с «оправдательными» бумагами, предоставленные в мое распоряжение, запросто могли составить многотомное собрание сочинений объективных причин неблагополучия. Рассказ про обвалив-

шеется здание кожаненного корпуса сменялся бы в нем повестью о ковартстве поставщиков, бесконечный роман о жутких буднях материально-технического снабжения был бы окружен венком сонетов в письмах и телеграммах вышестоящим организациям с общим заголовком «Всем, всем, всем, копия на базар».

Это собрание сочинений дышало неприкрашенной правдой жизни, а в списке его авторов мелькали фамилии директоров и главных инженеров комбината, меняющихся здесь по нескольку раз в пятилетку. Прочитав его и смахнув скупую слезу, любой маломальский гуманист решился бы ходить босиком по снегу, лишь бы избавить от страданий тех, кто по нелепому капризу судьбы вынужден производить обувь.

Я вспомнил моего хмурого знакомца, знавшего наперечет объективные сложности автомобилестроителей, и подумал, что пора вводить в практику «Вечера объективных причин».

Представьте себе: где-нибудь на нейтральной почве встречаются за чашкой чая два многотысячных коллектива и спокойно объясняют друг другу, по каким совершенно объективным причинам трудно купить ботинки и почти невозможно автомобили. Срочно подъехавшая делегация чаеводов объективно докладывает, почему присутствующие пьют плохой чай и куда девался хороший, а случайно оказавшиеся здесь же кинематографисты показывают в заключение вечера бездарный фильм, убедительно доказывая, что в силу абсолютно объективных обстоятельств другим он просто быть не может.

После такого вечера вряд ли кого заинтересуют такие досадные мелочи, как почти полтора миллиона рублей штрафов за срыв договорных обязательств, выплаченных комбинатом, или без малого сто тысяч пар утепленной обуви, недопоставленных им торговле. Ведь всему этому наверняка есть куча объективных причин! Причины, правда, на ноги не обуешь, ну да нам не привыкать. Главное — понять друг друга, а поняв, простить. Как прощали десятилетиями, придумав для удобства массу объектаемых словосочетаний — от «временных трудностей» до постоянных «планово-убыточных предприятий».

Именно в таких планово-убыточных и проходили полтора десятка лет кожевники и обувщики. Прекрасная, спокойная была жизнь в советском недавние времена экономной экономики, звонких рапортов и тихих корректировок, дутых отчетов и карьерных расчетов.

А нынче что? Перевели в начале года комбинат на самокупаемость и самофинансирование, а к концу года оказалось, что ни окупаться, ни финансироваться попросту нечем. Что из шести миллионов планировавшейся прибыли наскребается еле-еле три. Что не хватает почти четверти работников, да и те, что есть, при первой возможности готовы разбежаться. А чего ж и не разбежаться-то, когда вместо тринадцатой зарплаты из кассы временные трудности начнут выдавать? А иначе и быть не может, если вместо прибылей привыкли планировать убытки.

Я ходил по светлым, просторным цехам, и меня не покидало чувство, что присутствую я на спектакле в театре экономического абсурда. Посреди зимы в городе, где невозможно купить теплую обувь, по современным конвейерным линиям ползли... тысячи домашних тапочек. Какой-то тапочный девятый вал надвигался на меня. Или план по валу, который комбинат лихорадочно выполнял никому не нужными шлепанцами.

Судите сами, предприятие влачит жалкое существование, покупатели сбились с ног в поисках зимней обуви, вот она, прибыль, сама в руки идет, а нет, вместо пятидесятирублевых сапог они шьют пятирублевые шлепанцы! Ну чем такое объяснишь? Думаю, только одним. Плано-убыточной психологией. Надеждой на дядю из министерства или из Госплана, который в последний момент не даст пропасть. У кого-то отберет, а сюда подкинет. Только вот у кого, а главное, с какой стати этому дяде отбирать? Да уж, мол, найдет, у кого. Он ведь, дядя-то, и того нам недодал, и этого недозапланировал. Ну, а вы-то сами додали? А у нас объективные причины... Да какие могут быть причины, чтобы денег самим себе не зарабатывать? А не приучены. Рапортовать об успехах или канючить о корректировке — это запросто. А зарабатывать... Нам и слово-то такое не нравится. Лучше бы как раньше — получать. Чтoб от нас — убытки, а нам — получку. Да сполна, без всяких там объективных причин.

Написал этот воображаемый диалог и сразу представил обиженные лица руководителей комбината: «Чем, мол, мы хуже остальных 60 обувных предприятий РСФСР?» Да, наверное, ничем. Все вы вместе, по данным Минторга РСФСР, недодали в год своим согражданам около 7 миллионов пар обуви, а казне — почти 70 миллионов рублей.

Да и в беседах с другими руководителями пробиваются те же, что и у вас, нотки обиженных детей, вырванных из привычного мира экономических сказок с запрограммированным счастливым концом и неожиданно заброшенных в реальную жизнь, где для того, чтобы «добра наживать», недостаточно просто «жить-поживать», а необходимо изрядно крутиться.

Но в том-то и дело, что детское время экономики безвозвратно закончилось, а сроков на болезни роста не отведено.

Можно, конечно, предаться набившему оскмину как читателю, так и журналисту выяснению отношений между предприятием и поставщиками. Провести этаким блицвечер объективных причин. Вот, скажем, руководители комбината утверждают, что если не вся, то половина беды кроется в низком качестве отечественных кожевенных красителей. При нынешних красителях, по их мнению, хорошей кожи попросту не может быть.

А по мнению министра химической промышленности СССР, высказанному им однажды на пресс-конференции, красители у нас ничуть не хуже импортных. Просто неправильно ими пользуются.

Ну и где же золотая середина между двумя мнениями? Чтобы обойтись без этих самых вечеров и не терять времени на выяснение того, чья причина объективной.

«МЕЖДУ НАМИ, СУБЪЕКТАМИ, ГОВОРЯ...»

А на следующее утро я встретил своего хмурого знакомого разгуливающим по городскому рынку. На ногах его поскрипывали новенькие зимние сапоги, произведенные на белый свет неким кооперативом с малоизвестным названием, а лицо выражало довольство человека, ухватившего за хвост птицу счастья. Он признался, что ему, конечно, жалко двадцати рублей, переплаченных кооператорам против государственной цены, зато тепло и не стыдно по улицам ходить.

Несмотря на ранний час и крепкий морозец, торговля шла куда веселей, чем в теплом Доме обуви. В шести наскоро сколоченных ларьках мы насчитали примерно двадцать разных моделей вполне справных на вид мужских и женских сапог. Обувь шла нарасхват, и я, с трудом узнав адрес кооператива, за продукцией которого стояла самая большая очередь, отправился туда выяснять объективные причины рыночного благополучия.

В тесной комнатенке покосившегося домика так называемой частной застройки сидели пятеро мужчин и тачали сапоги. Вопрос про объективные причины поверг их в крайнюю задумчивость. Наконец один из них, подняв вверх черный заскорузлый палец, произнес: «У нас, понимаешь, все причины субъективные. Вот, скажем, ты, извиняюсь, субъект, но без зимних сапог. А я, наоборот, субъект, но сапоги эти шить умею. Ну, и скажи, какие ж тут между нами, субъектами, проблемы могут быть?» Места для проблем в таком раскладе вроде бы действительно не оставалось, но я, наученный опытом общения с их государственными коллегами, задал коронный вопрос про трудности и помощь.

Вот, например, где кожу берете? Выяснилось, что покупают ее — как отходы — на местном кожевенно-обувном комбинате, где, по мнению его же собственных руководителей, хорошей кожи быть не может. А насчет помощи... Пять пар глаз взметнулись на меня от сапожных заготовок, и их обладатели почти хором ответили: «Главная помощь, когда не мешают». Мешать я не собирался. Здесь зарабатывали деньги, и не мне было их учить, как это делается.

Я возвращался в гостиницу и, проходя мимо солидных корпусов кожевенно-обувного комбината, думал о том, что, пожалуй, главная задача нынешней экономической перестройки заключается в том, чтобы все объективные причины сделать субъективными. И тогда абстрактно-объективное изделие превратится в самый что ни на есть субъективный ботинок, простой для одних и доступный для других.

С КОГО ПРИКАЖЕТЕ ПОЛУЧИТЬ, или Кому выгодно ломать трактора?

1. ПРОКУРОРСКИЙ НАБАТ

С некоторых пор начальника отдела общего надзора областной прокуратуры Соколова стали преследовать ночные кошмары.

Начинались жуткие сновидения обычно с того, что на подъездных путях местного объединения по производству сельхозтехники останавливался железнодорожный состав. На его платформах, весело поблескивая на солнышке свежей краской, стояли оранжевые, как марокканские апельсины, трактора ЮМЗ-6. Их аккуратно снимали с платформ, перемещали в цех... И тут прокурорский сон превращался в скрежещущий кошмар. Простые советские люди с кувалдами в руках начинали трактора сокрушать...

В этот момент Всеволод Сергеевич просыпался в холодном поту, дрожащей рукой включал настольную лампу и выводил на листе казенной бумаги грозное слово «Представление».

За тридцать лет работы в прокуратуре старшему советнику юстиции Соколову приходилось видеть всякое. Но то, что предстало его прокурорскому надзору в этом объединении, в рамки сложившихся представлений о законах нашей жизни, в том числе экономической, никак не укладывалось. Длинная вереница известных ему жуликов, норовивших стибрить как у родимого государства, так и у отдельных его граждан все, что плохо лежало, стояло или висело, со всеми их ухищрениями и уловками, казалась ему теперь элементарной мелочью пузатой по сравнению с масштабами того, что спокойно и просто, на виду у всяческих проверяющих комиссий, за зарплату и премию осуществляли честные труженики вышеозначенного производственного объединения. Чтob тысячи новеньких тракторов, собранных, оплаченных, перевезенных,— да в разлом? Да это ж... Типичный бандитизм с тяжкими экономическими последствиями.

Но поскольку «кувалдная экономика» не была изобретена у них в области, а напрямую санкционировалась из Москвы, то собственными силами остановить кувалду областная прокуратура не могла. И тогда решила она ударить в общесоюзный набат. А пока набат по каналам служебной связи летит в далекую столицу, давайте посмотрим, что же все-таки происходит в одном из цехов объединения.

2. ЛОМАТЬ — НЕ ДЕЛАТЬ...

Да нет, уважаемый читатель, душа, конечно, болит. Во всяком случае, у тех, в чьи руки эта самая кувалда вложена.

Вот что говорит один из тех, кто с кувалдой: «Ну да, приходят к нам

сюда из Днепропетровска трактора. Мы их разбираем. Двигатель, трансмиссия и рулевое управление в сборочные цеха идут, а остальное здесь складываем. Вы не подумайте, у нас ничего не пропадает. Приезжают из колхозов и на запчасти забирают. Бригада у нас 15 человек, в две смены работаем. Называемся — слесари механосборочных работ. Только уж какие тут сборочные... Вроде бы и зарабатываем неплохо, а как подумаешь, что вот такие же, как мы, работники на другом заводе за полтыщи километров отсюда их собирают, то просто тошно становится... Видать, чего-то там, наверну, недодумали».

О том, кто и на каком таком вершине недодумал, мы поговорим позже. А пока у меня, корреспондента Крокодила, есть вполне конструктивное предложение. Начальственных совещаний «в верхах» по поводу тракторов ЮМЗ-6, выпускаемых за полтыщи километров, и самоходных погрузчиков-экскаваторов, производимых на базе этих тракторов местным объединением, проводилось великое множество. А не пора ли обменяться опытом самим рабочим? Тем, кто собирает и кто разбирает? Рассказали бы друг другу по-простому да по-честному, какую винтку недовинтить, какую крутку недокрутить, чтобы и собирать побыстрее, и разбирать посподручней. Тут бы и представителям госприемки не грех поприсутствовать. Чтоб не слишком усердствовали. Все равно ведь то, что в одном месте не докрутили, в другом — открутят.

Ведь работа не какая-нибудь штучная, на широкую ногу дело поставлено. Ни много ни мало, а за последние пять лет почти восемь тысяч тракторов разломали. Специальный корпус в 1500 квадратных метров для этого разлома соорудили. Одной только зарплаты тем, кто ломает (по-научному «демонтаж» называется), без малого 100 тысяч рублей заплатили. А если ко всему этому добавить транспортные расходы (доставка одного трактора обходится в 44 рубля) да 2 тысячи железнодорожных платформ, колесящих туда и обратно, то возникает до боли знакомый вопрос: да откуда же у нашего государства на все это деньги берутся? Тут без определенной смекалки никак не обойтись.

До последнего времени были известны три основных вида смекалки: смекалка хозяйская, смекалка рабочая и смекалка пионерская. Думаю, что пора ввести в обиход еще одно определение этого ценного качества человеческой натуры — смекалка ведомственная.

3. ВЕДОМСТВЕННАЯ СМЕКАЛКА

Толковый словарь Ожегова определяет глагол «смекать» как способность человека соображать, догадываться о чем-нибудь. А прилагательное «смекалистый», по мнению Сергея Ивановича Ожегова, чаще всего употребляется вкупе с существительным «парень».

Так вот, когда в достаточно уже отдаленном 1974 году согласовывались и утверждались проект и техническая документация на выпуск заводом новой машины — высокопроизводительного и маневренного по-

грузчика-экскаватора, в причастных к этому событию ведомствах парни подобрались смекалистые. И соображали они неплохо, и догадывались кое о чем. Догадывались, например, что маломощный заводик сельхозтехники, даже будучи обозван объединением, полностью производство такой машины не потянет. А соображали в основном по поводу того, как бы все устроить так, чтобы им, ведомственным парням, было поудобней. А поскольку были все они инженерами, то к своей замечательной ведомственной смекалке приладили могучий инженерный расчет. По нему выходило, что в качестве ходовой части погрузчика удобней всего иметь базовые узлы пропашного трактора ЮМЗ-6. Заметьте: не надежней, не выгодней, а удобней. Можно было, конечно, уже тогда, полтора десятка лет назад, подумать о расширении завода, можно было позаботиться о налаживании для него надежных хозяйственных связей с предприятиями-поставщиками. Можно было... Только вот зачем? Ведь куда удобней взять готовый трактор, перевезти его из одного города в другой, разобрать, а потом из разобранного сделать погрузчик-экскаватор. (Интересно было бы узнать — а как насчет того, чтобы из самолетов делать, скажем, газонокосилки? Может, тоже удобно?) Кому удобно? Может быть, тем, кто собирает, разбирает и снова собирает? Или тем, кто возит? Или нам с вами, в конечном счете из собственного кармана оплачивающим эти сомнительные удобства? Да нет, всем перечисленным от одной мысли, что все это делается, становится неудобно. Неудобно и стыдно. За то, что творится это в нашей стране и в нашем присутствии. Так кому же? А тем самым смекалистым ведомственным товарищам из Минживмаша, Минобщемаша, Минавтопрома, Минсельхозмаша, из самого Госплана, наконец. Тем, кто принимал решения, подписывал кипы согласовательных протоколов, исходя, с одной стороны, из соображений ведомственного удобства, а с другой — из кипучего желания поскорей отрапортовать: «Отечественный погрузчик-экскаватор есть!» Ведь времена-то были те еще, когда за звонкий рапорт ничего не жалели. Ни орденов, ни премий, ни тем более казенных денег.

Но времена, как известно, меняются. А вот меняются ли вместе с ними нравы? По крайней мере ведомственные? Уж многих названных мною ведомств и в помине нет, а смекалистые парни, судя по всему, на месте.

Не так давно собрались они в очередной раз на 14-м этаже Госплана. Подумали, повздыхали и составили бодренький протокол о том, что в ближайшие годы ломать трактора для них будет по-прежнему удобней. А там поглядим.

Дважды на самых высоких управленческих уровнях принимались решения о поставке вместо готовых тракторов отдельных узлов и механизмов, необходимых для комплектации погрузчика. И дважды эти решения никто не думал выполнять. Исполнять их неудобно. Удобней утупить их в бесконечных совещаниях, согласованиях, киваниях друг на друга. А еще удобней отчитываться сначала о произведенных тракторах,

а потом о сделанных из них же погрузчиках. И там план выполнен, и здесь все в ажуре.

Ну, казалось бы, какая разница одному заводу, что отправлять другому — отдельные комплектующие или готовый трактор? Ведь если комплектующие, то одних только железнодорожных платформ понадобится в три раза меньше. А уж о бессмысленных сборочно-разборочных работах и речи нет. Это даже нам с вами, уважаемый читатель, ясно. Но ясно-то это нам только по причине полного отсутствия ведомственной смекалки. Будь мы хоть чуть-чуть посмекалистей, то сразу бы поняли, что это неудобно. Для показателей. Трактор комплектностью менее 70 процентов не пойдет изготовителям в план готовой продукции. Для показателей удобней собрать, а потом сломать. Согласитесь, чтобы понять такое удобство, надо быть очень смекалистым человеком.

4. УСЛОВНАЯ ПАШНЯ

Судя по отзывам колхозников, погрузчик — машина хорошая. Берут ее нарасхват. Этим, кстати сказать, она выгодно отличается от многого, выпускаемого другими предприятиями Минсельхозмаша. Готовые сельхозмашины общей стоимостью в сотни миллионов рублей остаются невостребованными. Не хотят колхозы и совхозы их покупать. А погрузчик — хотят.

Тут бы министерству, как смекалистому хозяину, ухватиться за выгодную, пользующуюся устойчивым спросом машину. Поднажать на конструкторов, бьющихся уже который год с новой моделью погрузчика, не зависимой от многострадального трактора ЮМЗ-6. Вложить средства в развитие перспективного объединения, помочь ему всей своей научно-технической и финансовой мощью. Но ведомственная смекалка подсказывает, видимо, нечто другое. Во всяком случае, по словам генерального директора объединения, в деньгах на развитие предприятия министерство ему категорически отказало. Вот уж поистине неисповедимы хитросплетения ведомственной мысли!

Но, может быть, этот самый ЮМЗ-6 какой-нибудь завалыщенький, никому не нужный тракторишко, которому, кроме разлома, и никакого применения нет?

Увы, это не так. По данным НИИ механизации и электрификации сельского хозяйства, потребность одной только, сравнительно небольшой, области в тракторах этой марки составляет три сотни штук, а фактически выделена ей половина. Да что там подсчеты НИИ, когда я собственными глазами видел длинную вереницу грузовиков, съехавшихся, чтобы закупить запчасти, оставшиеся от разлома тракторов. Разговаривал и с шоферами, отмахавшими по тысяче километров и по двое-трое суток ночующими в кабинах в ожидании этих запчастей.

1200 га условной пашни должен вспахать за год трактор ЮМЗ-6. Но не вспашет. Сломают его, родимого, так и не дав шагу ступить по земле.

Так и останется эта пашня условной, такой же условной, как и разговоры о хозрасчете и самофинансировании, в изобилии ведущиеся нынче смекалистым ведомственным народом.

О, ведомственная смекалка — сила великая! И не защитит от нее измученную нашу экономику ни великий хозрасчет, ни магическое самофинансирование. Поднатужатся парни, посоображают и нарисуют такой хозрасчет, чтоб им удобно было, и самофинансирование такое, что без особых умственных затрат да из казенного кармана.

Вот ведь и мне кое-кто из них пытался объяснить, что не просто так трактора ломают, а из соображений высшего порядка, из неких государственных интересов. Только кажется мне, что как-то привычно путают они себя с государством. Интересы-то разные. У государства — одни, а у них — совсем другие. И согласен я с юстиции советником Соколовым по поводу того, что их интересы очень сильно не соответствуют законам нашей жизни. Даже таким противоречивым и запутанным, как те, по которым живет экономика.

Какие конкретно? Да вот хотя бы Закону СССР о госпредприятии. В нем совершенно четко сказано, что ущерб, причиненный некомпетентными управленческими решениями вышестоящих органов, должен быть предприятию возмещен. По самым скромным подсчетам, производственное объединение недополучило прибыли более чем на полмиллиона рублей. С кого прикажете получить?

Ну, а государству с кого получить за весь ущерб, причиненный ему деятельностью смекалистых сынов ведомственного отечества?

С КОГО ПОЛУЧИТЬ ПРИКАЖЕТЕ?

СТРАТЕГИЯ КИПУЧЕГО ПОЛЕХОДСТВА

Драйгольм, 1 апреля. Сегодня в празднично украшенном зале городской ратуши состоялось торжественное вручение Мобелевской премии министру Колесно-гусеничного полеходства Чижевскому за выдающиеся заслуги по несозданию гусеничного полехода П-250. После церемонии не наш корреспондент взял интервью у лауреата.

Корреспондент. — Уважаемый министр, насколько мне известно, вы первый человек, удостоенный столь высокого международного признания за несоздание. Неужели у вас не было предшественников?

Министр. — Вы мне льстите: не я первый, не я последний. Не возьму на себя смелость утверждать, что я первооткрыватель эффективной системы несоздания. Сколько не создано станков, автомобилей, компьютеров, холодильников, стиральных машин, новых моделей одежды и обуви! Да что говорить, куда ни кинь взгляд от края и до края нашей страны — что-нибудь да не создано. Другое дело, что не созданный нашим министерством полеход (иногда его называют иностранным сло-

вом «трактор») был задуман двадцать лет назад как лучший в мире. А несоздание чего-нибудь лучшего в мире — это, конечно, достижение серьезное. Сами понимаете, Мобелевские премии случайно не даются.

К. — А скажите, трудно было не создать полеход за двадцать лет?

М. — Да уж непросто. Но мы легких путей и не ищем. Скажу одно: возглавляемое мною ведомство сделало все, чтобы его не сделать.

К. — А кто вам помогал конкретно?

М. — Конечно, в этой двадцатилетней битве за несоздание полехода мы не были одиноки. Плечом к плечу с нами, в одном строю стояли ведомства-сонеисполнители. Народ все больше проверенный, не подвели. Одни не создали соответствующий двигатель, другие — эластичную гусеницу, третьи — электронную начинку. Но основная тяжесть несоздания легла на наши плечи.

К. — Двадцать лет — срок немалый. Наверное, накоплен солидный опыт по несозданию, которым вы могли бы поделиться?

М. — Что же скромничать, есть что рассказать. У каждого большого дела должны быть свои стратегия и тактика. Стратегически крайне важно с самого начала непомерно усложнить задачу. Возьмем тот же полеход П-250. Сначала мы его не делали в Харькове, продолжили неделание в Волгограде, а с 80-го года успешно не делаем на Алтайском заводе, расположенном в городе Рубцовске.

К. — А чем вам приглянулся этот малоизвестный населенный пункт на Алтае?

М. — Этот город оказался, пожалуй, самым подходящим для неделания лучшего в мире полехода. Ведь в нашей стратегии важное место занимает наличие объективных причин. А в Рубцовске их хоть отбавляй: новые цеха не построишь — слаба строительная база; город небольшой — лишней рабочей силы нет; с конструкторскими кадрами тоже не густо... С такими козырями я что угодно берусь не создать. Вот такая стратегия.

К. — Ну, а тактика?

М. — Вопрос, как говорится, интересный. ТАКТИКА КИПУЧЕГО ПОЛЕХОДСТВА разрабатывалась и совершенствовалась нами все эти двадцать лет. Тут главное, чтобы вопрос кипел, — так помаленьку и выкипит. Как можно больше расширенных коллегий, узких совещаний, шумных заседаний, ученых и неученых советов.

Очень, знаете ли, помогает кипению. Бумагу ни в коем случае не экономить: строгие приказы, мудрые указания, очень служебные записки — все это должно быть в изобилии. Прекрасное дело — кадровые перестановки. Только работник в курс войдет, а мы его — бац! — и снимем. Исключительно эффективны выговоры: начиная с третьего, человек к ним так привыкает, что после такой воспитательной меры стремится еще болес кипуче ничего не делать.

К. — Складывается впечатление, что сдвинуть вас с избранного пути несоздания полехода П-250 невозможно. Так ли это?

М. — Скажу откровенно: поначалу мы опасались, что ускорение и перестройка сдвинут. Но СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА КИПУЧЕГО ПОЛЕХОДСТВА пока не подводят. Ускорение мы успешно бьем козырями объективных причин, да и с перестройкой все в порядке. Узкие совещания переименованы в расширенные коллегии, тихие советы сменились шумными заседаниями, вместо трехстраничного приказа — решение на десяти листах. Уровень кипучести повышается на глазах.

К. — А гласность не мешает?

М. — Бывает, ваши коллеги-журналисты задают бестактные вопросы. Над полеходством нашим насмешиваются. Но нет худа без добра. Резко повысилась отписочная квалификация управленческого аппарата. Сегодня любой управленец пишет за рабочий день по три отписки на самые полехододробительные статьи. Как говорится, у вас гласность, а у нас негласность.

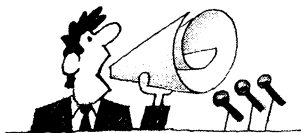
К. — И все-таки вы твердо уверены, что выход полехода П-250 на поля полностью исключен?

М. — Ответственно заявляю: ни в этом, ни в следующем году мы не дадим потоптать родные поля гусеницам лучшего в мире полехода П-250. Я уже говорил: мы сделали все, чтобы его не сделать. Сегодня, как и позавчера, мы так и не создали для него надежного дизеля. Так же, как и двадцать лет назад, нет окончательной компоновки полехода, параметры машины по-прежнему не удовлетворяют заказчика. Все еще не построены новые цеха в Рубцовске. Идея несоздания продолжает планомерно осуществляться. Хлеборобы Кубани, картофелеводы Рязани, хлопководы Узбекистана могут быть спокойны.

К. — А как насчет конкуренции со стороны зарубежных фирм? Грозит или не очень?

М. — До недавнего времени имелся опасный конкурент — американский трактор «Челленджер-65», по всем своим параметрам примерно равный нашему лучшему в мире полеходу. Но теперь нет повода для волнений: «Челленджер-65» проиграл большой марафон несоздания. Не хватило за океаном выдержки, не утерпели господа — создали.

К. — Большое спасибо за интервью. Я надеюсь, что теперь у читающей публики не осталось никаких сомнений в справедливости присуждения именно вам столь высокой награды. Остается только пожелать дальнейших успехов на пути несоздания лучших в мире полеходов.

НЕЛЕГАЛЬНЫЙ РЫЦАРЬ

Вечером по телевизору он смотрел фильм о бюрократах. Они ездили в черных «Волгах», в конспиративных саунах пили взяточный коньяк и принимали вредные управленческие решения. Утром, в метро, он прочел статью о бюрократах. Они протирали штаны в кабинетах, пили чай с сушками и никаких решений не принимали. Сидевший рядом гражданин разглядывал карикатуру в журнале. На ней был изображен бюрократ в пыльных нарукавниках, уныло перекладывающий бумажки из одной гигантской стопы в другую.

Наш герой нарукавников не носил. Чай пил только в неслужебное время, а коньяк — по праздникам, отстояв в километровой очереди и расплатившись своими кровными. «Волги» и сауны ему не снились даже во сне. Потому что снились ему твердо налаженная отчетность и квартальная премия в размере восьми процентов от установленного оклада.

За этот оклад он ежедневно от девяти до восемнадцати раскалял пылающим ухом телефонную трубку, исписывал килограмм исходящих и просматривал полтора кило входящих. Кроме не очень большого оклада и глубокого чувства удовлетворения, эта работа приносила ему иногда и разнокалиберные радости. Малую радость он испытывал, когда на неожиданный вопрос начальника: «А как обстоят дела с унификацией персонификации на заводах нашего главка?» — мгновенно отбарабанивал: «Повысилась на 2,8 процента, Иван Иванович». А лихой ответ самому замминистра, вдруг заинтересовавшемуся удельным весом юкагиров среди руководящих работников ниже-фердышенского нефтепроливного завода, доставлял радость большую. Он переполнял душу чувством собственной значимости и высокой информированности.

Вдруг все переменялось. Любимую отчетность, чеканные графы и параграфы которой снились ему во сне, стали сокращать и упразднять. За один только год вышло два самых что ни на есть руководящих постановлений, категорически запрещающих делать то, что стало смыслом его жизни: ЗАПРАШИВАТЬ! Дело, которому он посвятил себя, рушилось на глазах. Пережить это было невозможно, и он стал действовать нелегально. Работать стало трудней, но интересней. Теперь он браконьерствовал на отчетных угодьях подведомственных предприятий, и нелегально полученная цифирь была еще дороже ему и приятней.

За год Госкомстат выявляет и отменяет десятки тысяч форм незаконной отчетности. Но наш герой и не думает сдаваться. Госкомстат выявляет и отменяет, а наш герой и его сотоварищи запускают вниз и требуют наверх новые миллионы бесполезных показателей. От них никому нет прока? Плевать! На их выяснение тысячи людей тратят кучу времени, отвлекаясь от реального дела? Не интересует! Он борется за свое место под канцелярским солнцем, и в этой борьбе пощады от него не жди.

ЕСЛИ ОН РАБОТАЕТ ГДЕ-НИБУДЬ В РАПО, ТО, НЕСМОТРИ НА ВСЯЧЕСКИЕ ЗАПРЕТЫ, ПОТРЕБУЕТ, ЧТОБЫ В КОЛХОЗАХ НА ТЕЛЕФОНЕ ЦЕЛЮДНЕВНО СИДЕЛ ЧЕЛОВЕК, ПЕРЕДАВАЯ ЕМУ РОВНО 1801 ПОКАЗАТЕЛЬ.

ИЗ ОТДЕЛА КАДРОВ ОБЛБЫТУПРАВЛЕНИЯ ОН ЗАСТАВИТ КУРЬЕРОВ ВСЕХ ПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТАЩИТЬ К НЕМУ СВОДНЫЙ ОТЧЕТ О СОСТОЯНИИ КАДРОВОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА, СОСТОЯЩИЙ АЖ ИЗ 135 ПОКАЗАТЕЛЕЙ.

ЕСЛИ ЕГО БРОСЯТ НА ЗАВЕДОВАНИЕ ОРГМЕТОДОТДЕЛОМ РАЙБОЛЬНИЦЫ, ТО ОН РЕШИТ, ЧТО ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ВРАЧЕЙ — ДАВАТЬ ЕМУ ОТЧЕТНОСТЬ ПО 13 НЕЗАКОННЫМ ФОРМАМ С ШЕСТЬЮ ТЫСЯЧАМИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ.

Он твердо убежден — главное вовсе не в том, чтобы растить, доить, лечить, учить, чинить, строить. Главное — вовремя и подробно отчитаться.

Он истинный и преданный Рыцарь Ответности, готовый с копьем наперевес защищать ее от всех и каждого. Он готов жизнь свою за нее положить, потому что нет ему без нее жизни.

Областные и республиканские Госкомстаты сбились с ног. Их работники превратились в детективов, выявляя, запрещая, отменяя и наказывая. А нелегальная отчетность, казалось бы, вырванная с корнем в одном месте, прорастает в другом.

А может быть, не с тем боремся, дорогие товарищи? Может, не с отчетностью надо бороться, а с органами, ее порождающими?

Чтобы вечером он посмотрел фильм, утром почитал газету, а явившись к девяти, обнаружил, что конторы-то и нет! И побредет он туда, где строят, чинят, растят и доят. Ведь не родился же он, Рыцарь наш, верхом на канцелярском столе, с трубкой возле уха и скоросшивателем наперевес! Может, и найдет себе другое занятие, кроме нелегальной борьбы за всеобщую и обязательную отчетность?

ИГРА В БУТЫЛОЧКУ

Уважаемые читатели! И вы, румяные указопослушники, поглотители натуральных соков и зеленого до изумления напитка «Тархун», и вы, неисправимые фронтеры, для которых Новый год не начнется, если за минуту до боя курантов не глотнуть шампанского, и даже вы, хмурые всегдатаи унылых очередей в винные магазины, всем вам вместе и каждому в отдельности я имею сообщить кое-что по интересующему вас вопросу. В вопросе этом юридическая прямота римлянина сочетается с экономической невинностью первоклассницы, и звучит он примерно так:

— Почему «они» сегодня так сильно не хотят отдать нам те двадцать копеек, которые мы безропотно выложили «им» вчера?

Мне кажется, что я наконец готов на него ответить. Но поскольку поиски ответа были непросты и тернисты, то и вам придется набраться терпения. Итак, обо всем по порядку.

Для начала должен сообщить новость совершенно ошеломительную. Оказывается, вся эта мокнущая и пылящаяся по балконам и антресолям стеклянная собственность нам с вами вовсе и не принадлежит. Всякая самая заваливающая бутылка является таким же государственным достоянием, как, скажем, какой-нибудь красавец кедр в сибирской тайге или лубой из отрогов Памира. Так что, когда, отчаявшись сдать посуду, вы выбрасываете ее в мусоропровод, с интересом прислушиваясь, на каком этаже она разобьется, бутылочному хозяйству державы причиняется боль и обида. Бутылка-то, оказывается, выдана нам во временное пользование под залог тех самых двадцати копеек. И, предпринимая героические усилия, чтобы ее сдать, мы с вами преследуем не мелкие корыстолюбивые цели, а гордо выполняем свой гражданский долг. А поскольку в нашем самом плановом из всех плановых хозяйств все учтено и подсчитано, то в соответствующем ведомстве заранее запланировано, что горожане умудряются исполнить этот долг на 98 процентов, а сельские жители (видимо, из-за все еще не стертой грани) — на 91. И тогда прорехи в 50-миллиардном бутылочном фонде будут настолько незначительны, что наши замечательные стеклодувы без особого напряжения их пополнят. В общем, налицо тот приятный случай, когда интересы отдельного бутылкосдатчика совпадают с государственными, как костяшки домино. Так почему же, спросит уважаемый бутылкосдатчик, когда я с набитыми авоськами тащусь выполнять этот самый гражданский долг, государство в лице своих представителей из торговой сети встречает меня как нежелательного попрошайку, вымогающего какие-то жалкие двадцать копеек?

Потому что торговле эти ваши пустые бутылки ни к чему. Они для нее маета и морока. Невыгодно им деньги отдавать. Нету интереса.

Впрочем, я-то знаю одно замечательное местечко, где с этим делом порядок. Есть такой город Клайпеда. Уже лет десять город этот переживает бутылочный кайф. У них посуду можно сдать без очереди. Представляете? Любую! Даже из-под шампанского. Смеяться будете — даже импортную! Честное слово, сам сдавал. Этим летом. Там торговое начальство напряглось и подошло к делу по-государственному. Раз для магазина прием посуды — дело десятое, рассудили они, то пусть он ее и не принимает. А мы создадим специальную тарную базу, и для нее прием посуды будет делом наипервейшим, единственным, как первая любовь.

Сказано — сделано. Сколько у них нервов ушло на то, чтобы доказать

вышестоящим государственным мужам правильность государственного подхода, это разговор отдельный. Зато база заработала — и дело пошло: Нету очередей, и баста!

Вот оно в чем дело, удовлетворенно скажете вы. Можно, значит, что-бы и торговле было выгодно, и нам не в убыток, и государству не накладно?

Можно-то оно, конечно, можно, отвечу я, но не совсем. Беседовал я с клайпедским торговым начальством и особого восторга по бутылочному поводу не отметил. Был бы я человеком грубым, то сказал бы даже, что навели они бутылочный порядок себе на голову. Не было бы порядка, жили бы, как все, горя не ведали. А теперь что? Лежит на складах этой тарной базы пустой посуды аж на миллион рублей, но пищевой промышленности она не нужна. Клайпедчане рассылают телеграммы пачками во все адреса, кланяются: «Заберите посуду, мы же для вас старались, когда ее у населения выкупали». А им в ответ: «Не надо, не требуется. Прекратите отгрузку».

А тут еще перешла торговля на самофинансирование, и стал этот «мертвый» миллион не только по совести, но и по карману бить. Деньги-то вложены, а вместо прибыли одни убытки. Так с этими бутылками не то что без премии, а и без зарплаты останешься. В общем, скучное дело намечается. Вот и подходи после этого к вопросу по-государственному...

Признаюсь честно, наверное, не стал бы я всего этого писать, если бы жена не принялась наводить к зиме порядок на балконе. И был я, конечно, послан посуду сдавать. Походил, постоял, покурил, бывалых людей послушал, да так с теми же авоськами домой и вернулся. Что уж они мне говорили, я вам передавать не буду, а только сел я за телефон и принялся звонить. Звоню самому начальнику Управления тары Агроснаба.

— Может ли, — спрашиваю, — такое быть, чтобы торговля исправно посуду собирала, а ваши предприятия, которым в эту посуду содержимое наливать, брать ее отказывались?

Начальник — человек государственный, ему, конечно, некогда со мной по телефону тары-бары разводить, он и отрезал:

— Не может такого быть. А если подробности интересуют, позвоните подчиненному мне товарищу.

С подчиненным товарищем подольше разговаривали. Подробности такие выяснились. Посуду, конечно, заводы берут, но не всю. Только ту, которую выгодно. Самофинансирование подпирает, иначе нельзя. (Правда, мы с вами, уважаемый читатель, за любую бутылку по двадцать копеек платим, хотя нам это и не слишком выгодно: мы-то на самофинансирование давно перешли.) Особенно мой собеседник напирал на бутылки из-под шампанского. Повторно под этот шипучий напиток их использовать нельзя. А таких бутылок эдак миллионов двести по стране гуляет.

Раньше-то как хорошо было, разлили в них «бормотуху» — и делу конец. Быстро, выгодно, удобно. А теперь?

Велено госагропромовским предприятиям забирать эти бутылки на разбив. Купить, разбить и... продать. Другому ведомству. Министерству промышленности стройматериалов, предприятия которого стекло производят. А агропромовцы бить посуду не любят. Не потому, что душа болит, а потому, что, оказывается, разбивать бутылки — дело хлопотное, а главное, невыгодное. И цены на стеклобой неподходящие, и вообще... Пусть, мол, кто делает, тот и бьет.

Обращаюсь в Минстройматериалов. Может, и правда по нынешним малопьющим временам большая экономия по посудной части наметилась? Да нет, говорят, что заказывает Госагропром новых бутылок примерно столько же, сколько и всегда — под 3 миллиона. А принимать бой невыгодно.

Такое прохладное отношение к стеклобою меня насторожило. Со школьных еще времен я помнил, что стеклобой не просто битая посуда, а ценнейшее сырье. А тут — «невыгодно»...

Вот финны, например, закупают его у нас с удовольствием и считают, что это весьма прибыльно. (Интересно, как это они умудряются в условиях финского самофинансирования?)

По мнению министерских товарищей, все дело в агропромовской нерадливости: плохо они бутылки бьют, не до той консистенции. А цены за свой недобитый стеклобой ломают несусветные. Невыгодно покупать у них стекляшки. Вот знаете, как собирают и бьют стекло в ФРГ? И они подробно рассказали мне, как замечательно это дело поставлено в Гамбурге.

Надо сказать, что, судя по рассказу, никакой малодоступной супертехнологии гамбургские умельцы не выдумали, все делают на уровне элементарного здравого смысла. Да и идеологической диверсией использование их опыта явно не грозит. Можно бы, наверное, и у нас внедрить. Но за последние годы я слышал столько восторженных рассказов от людей, вернувшихся из заграникомандировок, про заморские чудеса, рассказов, из которых на родимой почве ничего, кроме авансовых отчетов об истраченной валюте, не произрастало, что про Гамбург мне было как-то не очень интересно.

Я точно знал, что сдавать пустую посуду туда не поеду. Мне ближе в приемный пункт, что через дорогу. Но там ее у меня не принимают. Невыгодно ни торговле, ни Агропрому, ни стеклодувам.

Все это напоминало мне некогда популярную игру в бутылочку. Помните? Игроки становятся в кружок, раскручивают бутылку и ждут, на кого она укажет. Вот только, на кого бы ни указала, целоваться с ним нынче вряд ли кто станет. Скорей наоборот. Тут-то указанный и начнет указывать сам. На самофинансирование. На другое ведомство. На Указ по борьбе с пьянством. Да на кого угодно, лишь бы не на себя. Ему это НЕВЫГОДНО. Вернее, возиться неохота. Пусть лучше все останется,

как есть. Государство у нас богатое, ему пустая бутылка — тьфу! Народ, между прочим, тоже не бедный и без двадцати копеек перебьется. А кому сильно надо, те и в очереди постоят, не बारे.

Вот так, уважаемый читатель. Теперь вы поняли, почему «они» так сильно не хотят отдать нам наши двадцать копеек? «Им» это невыгодно. А вот сделать из пустой бутылки неразрешимую проблему почти государственного значения, наверное, выгодно. Только вот кому и зачем?

ИСТОРИЯ ОДНОГО ШЕДЕВРА

Художник Свинецкий получил заказ на картину. Ответственный товарищ в завершение беседы со Свинецким торжественно сказал: «Мы ждем от вас крупномасштабного полотна. Не спешите, работайте вдумчиво, как это было свойственно лучшим мастерам прошлого. В организационном плане мы вам поможем». И, секунду помолчав, доверительно добавил: «Учтите, есть установка на шедевр».

На следующий день в мастерскую Свинецкого, где он курил трубку и обдумывал композицию будущего шедевра, явился высокий, представительный мужчина и, энергично тряхнув руку художника, представился: «Чугунцов, директор вашей картины. Будем работать вместе». Еще через день в одну из комнат мастерской молодые разбитные грузчики в джинсах и свитерах-олимпийках втащили большой письменный стол, несколько канцелярских шкафов, груды папок-скоросшивателей и еще много разных канцпринадлежностей. Потом они же, покуривая и балагурия, установили там телефонный селектор на сорок номеров, а в комнату Свинецкого — телефонный аппарат без наборного диска. «Прямая связь с директором», — буркнули они на недоуменный взгляд художника и исчезли.

Каждое утро, в половине девятого, директор появлялся в мастерской, заходил к Свинецкому, смотрел, понимающе улыбался и говорил: «Ну, как творческий процесс? Какие трудности? Ну-ну, работайте, не буду мешать». После этого он уходил в соседнюю комнату, на дверях которой солидно чернела табличка:

Директор картины
т. ЧУГУНЦОВ И. Х.
Прием по личным вопросам:
среда с 15.00 до 17.30

Через неделю проснулся телефон без диска. Свинецкий с недоуме-

нием снял трубку и услышал голос директора: «Леонид Степанович, я на одиннадцать назначил совещание по тематическому плану. Так что заходите, думаю, что вам будет интересно поприсутствовать».

В кабинете Чугунцова, кроме него самого, было еще два человека. Директор представил их художнику: «Это новые наши коллеги: товарищ Вольфрамкин, начальник отдела материально-технического снабжения и агент по снабжению Ртутностолбиков». Совещание продолжалось час. Свинецкий почти ничего не понял, но в конце совещания его ознакомили с документом, напечатанным на машинке и озаглавленным: «Перспективный план работы по созданию крупномасштабной картины-шедевра на 19...—2000 гг.». В верхнем правом углу было напечатано:

«Утверждаю

Директор картины

Чугунцов И. Х.

“ “ _____ 19...г.

В конце документа стояла подпись:

«Нач. производственного участка Л. С. Свинецкий».

Каждое утро, приходя в мастерскую, Свинецкий обнаруживал новых людей за новыми столами. Трещали пишущие машинки, звонили телефоны. По углам группы симпатичных девушек, попыхивая сигаретками, о чем-то весело беседовали. Однажды, придя на работу, Свинецкий увидел на дверях комнаты, где он обычно творил, табличку:

Главный бухгалтер
т. ЖЕЛЕЗЯКО Н. Г.

Подрамник с натянутым холстом был сдвинут в сторону, а за столом у окна сидела женщина неопределенного возраста, с копной крашенных перекисью волос. Еще за двумя столами склонились женщины менее яркой внешности и что-то считали на микрокалькуляторах. «Простите...» — начал Свинецкий. Женщины разом оторвались от бумаг и с интересом на него посмотрели. «А, вы, наверное, начальник производственного участка Свинецкий? — с улыбкой сказала наиболее яркая дама. — А я главбух Железяко, будем знакомы. Мы вас тут временно потеснили, но ведь сами понимаете, какое сейчас положение с производственными площадями. Но ничего, наш заместитель директора по АХФЧ Меднококольцев уже договорился об аренде цокольного этажа в соседнем здании, скоро вас туда переведут».

Действительно, через пару дней Свинецкий со всеми своими холстами, подрамниками, мольбертами и прочим инвентарем переехал в подвал соседнего дома. Тут про него забыли. Только периодически звонила секретарша директора Людочка Серебрянская и спрашивала: «Леонид Степанович, от вашего участка кого на овощную базу выделяете? Как это некого? Тогда самому придется сходить». Свинецкий ходил на овощную базу, там он знакомился со своими сослуживцами, все это бы-

ли довольно милые люди, и в перерывах он с удовольствием обсуждал с ними футбольные новости и многосерийные телефильмы. Несколько раз его привлекали к оформлению стенной газеты, но главному редактору, начальнику планового отдела Бронзулевскому, не понравились его рисунки, и от участия в стенгазете Свинецкого освободили.

Еще через год, придя на работу, он обнаружил прикомпленную к подграмнику выписку из приказа: «Начальника производственного участка т. Свинецкого Л. С. уволить в связи с сокращением штатов». Он собрал свои вещи и тихо ушел домой.

Прошло несколько лет. Свинецкий давно уже работает художником-оформителем в издательстве. Жизнью он доволен, лишь изредка со вздохом вспоминая так и не созданную им крупномасштабную картину-шедевр.

Как-то весной он проходил мимо бывшей своей мастерской. На дверях висела вывеска: «Постоянно действующая дирекция крупномасштабной картины-шедевра...». Из раскрытых окон доносились телефонные звонки и треск пишущих машинок. К дому подъезжали автомобили, грузчики заносили в здание какие-то ящики, а шоферы стояли, облокотясь на двери кабин, покуривая и время от времени сплевывая сквозь зубы.

МУЗА И БУЛЫЖНИКОВ

Лева Булыжников шел по улице, такой же пустынной и сумеречной, как его состояние духа. За этот день он успел побывать во всех трех редакциях, куда месяц назад отдал свою публицистическую повесть «Утро в свинарнике». Крах был полный, везде ему отказали. Причем если в двух редакциях от него отделались стандартными фразами о том, что нужно больше работать над словом и читать классиков, то в третьей лысый человек в измятом твидовом пиджаке, страдальчески сморщив лицо, сказал: «Слушайте, Булыжников, мой вам совет: бросайте вы это дело. Не умеете вы писать. И слова-то у вас какие-то пыльные и затертые, да и мысли, прямо скажем, не первой свежести».

Лева, может быть, и воспользовался бы этим советом, но вся сложность заключалась в том, что никакого другого дела он делать тоже не умел. «Эх, уехать бы сейчас куда-нибудь! — подумал Булыжников. — Завербоваться и уехать». Он подошел к доске объявлений.

Первое, что бросилось ему в глаза на этой доске, среди рекламных парней, сообщающих об оргнаборе, и опытных кандидатов наук, обучающих игре на банджо и в бридж одновременно (можно по переписке), было маленькое, скромное объявление следующего содержания: «Муза широкого профиля (поэзия, проза, др. жанры) предлагает свои услуги литераторам. Качество и литературные достоинства гарантируются. Плата умеренная. Обращаться по телефону...»

«Розыгрыш какой-то глупый», — буркнул Булыжников, но желание читать другие объявления неожиданно пропало. «А вдруг не розыгрыш? — лихорадочно думал он. — Вдруг это тот единственный случай, шанс, выпавший именно мне? Да нет, что это я, с ума сошел, что ли, ну, просто мистика какая-то!» Но Левины ноги уже сами завернули к ближайшему телефону-автомату, потная рука достала двушку, а дрожащий палец набрал заветный номер.

— Да, — ответил тихий, мелодичный женский голос.

— Я по объявлению, — хрипло пробормотал Лева.

— Вы литератор? — спросил мелодичный голос.

— Да, да, литератор. Лев Булыжников.

— Ну что ж, я могу приступить к работе с завтрашнего дня. Вас это устроит?

— Конечно, устроит. Мой адрес...

— Не надо. — Даже по телефону Лева почувствовал, что его собеседница улыбается. — Я найду вас сама, ведь я все-таки Муза...

На следующее утро проснулся он от нежного прикосновения. Перед ним стояла прелестная женщина, примерно одних с ним лет, одетая в серую юбку и черный скромный свитерок с широкими рукавами, по форме напоминавшими крылья.

«Вставайте, Лев, вас ждут великие дела, — с тихой улыбкой сказала она. — Пока вы будете одеваться, я приготовлю завтрак».

Натягивая джинсы и свитер, Булыжников огляделся. Через прозрачно-чистое стекло в комнату лился мягкий солнечный свет, дышалось легко, как в лесу, с письменного стола безвозвратно исчезли все следы бурной Левиной жизни, а посреди идеальной пустоты столешницы возвышалась пишущая машинка, возле которой аккуратнo белела стопка бумаги.

После завтрака Лева сел за машинку, а Муза встала за его спиной и начала что-то нашептывать. Булыжников не разбирал ее слов, скорее всего это напоминало фоновую музыку, тихую и прекрасную. Но мысли, приходившие в Левину голову, были смелы и оригинальны, а слова, оставаясь вроде бы теми же самыми, неожиданно переставали быть пыльными и затертыми, а прямо на глазах становились свежими и яркими.

Теперь рукописи свои Булыжников (как это бывало раньше) не носил по редакциям сам, лстыиво заглядывая в глаза редакционным работникам, которые при его появлении прекращали бесконечные беседы, сразу становясь ужасно занятыми и очень важными, а беспечно отсылал по почте. Отослав их, он как-то само собой переставал интересоваться тем, что будет с ними дальше, обретя непонятную, но твердую уверенность, что все будет так, как надо. И рукописи, опять-таки как-то сами собой, публиковались, а однажды, раскрыв газету, Лева прочел там статью главного критика Пещанского, где повесть писателя Булыжникова «Заря на ферме» была названа «величайшим лирико-эпохальным собы-

тием наших дней». Лева неожиданно для себя стал получать официальные конверты, в них сообщалось, что он включен в состав разных комиссий и его явка на заседания этих комиссий строго обязательна. Булыжников все чаще стал уходить из дома. Муза ничего не говорила ему по этому поводу, но улыбаясь ласково и всепонимающе стала все реже.

Однажды в ЦДЛ он познакомился с дочерью Пещанского, Стеллой. Зажав его в угол и напирая на Леву мощным бюстом, она долго, с придыханием говорила о чувствах, вызываемых у нее творчеством писателя Льва Булыжникова, и о том, что не каждая женщина в состоянии понять сложную натуру такого человека. Через два месяца Лева на ней женился.

Они переехали в новую квартиру. За всеми хлопотами, связанными со свадьбой и переездом, у Булыжникова просто не оставалось времени для работы с Музой. Она, как и прежде, являлась точно в срок и тихо ожидала, когда Лева ее позовет.

Однажды он сел за машинку, чтобы написать заявление о вступлении в дачный кооператив. Муза со счастливой улыбкой на лице моментально оказалась у него за спиной, и Булыжников испытал истинные муки творчества. Стандартные слова, вполне подходящие для заявления, жгли и мучили его, поэтому вместо простого и желанного документа через пару часов из-под его пера вышел небольшой, но весьма изящный рассказ, где были прекрасное описание дачного ландшафта и тонкие размышления лирического героя о прелестях дачной жизни. Помучившись еще немного, Лева понял, что пока она, эта женщина с крыльями, стоит за его спиной, ничего другого ему написать не удастся.

На следующий день, когда Муза как ни в чем не бывало явилась на работу, Булыжников, уставившись в стол, пытая и отдуваясь, сказал ей: «Слушай, ты бы это... Ну, как-нибудь помогала Стелле, что ли... Я, это, и сам поработать могу... А ты бы ей там по хозяйству или еще чего...» Муза ничего не ответила ему, а, грустно улыбнувшись, исчезла.

Прошло время. Пишет теперь Булыжников не много, но зато тяжело и глобально. В жизни у него все идет вполне спокойно и удачно. Правда, иногда он вспоминает о Музе, и тогда щемящее чувство подкатывает к его постаревшему сердцу. Как-то он даже решил позвонить ей, но с удивлением обнаружил, что телефонный номер напрочь вылетел из памяти, а записать его он в свое время не удосужился.

Однажды, находясь в зарубежной поездке, поздно вечером, в полутемном баре, рассказал он историю Музы руководителю их делегации, старому и очень маститому поэту Гранитову. Тот, выслушав его, несколько не удивился, а только, пригорюнившись, сказал: «Эк ее как... Значит, теперь объявления, бедной, давать приходится. Да...» Потом, встряхнув седыми кудрями, пророкотал: «Ладно, Лев, не бери в голову. Дело-то житейское, все мы через это прошли. А она, судя по всему, сейчас у Антошки Кирпичова живет, видишь, как парень в гору попер. Иначе с чего бы ему так?»

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕЛЬЕТОНЫ

Знамя на крыше	2
Кто назвал собаку кошкой?	5
Дороги на налоги?	10
Пивной вопрос	15
Тундре — вышка?!	19
Субъективный ботинок	24
С кого прикажете получить?	29
Стратегия кипучего полеходства	33
Нелегальный рыцарь	36
Игра в бутылочку	37

РАССКАЗЫ

История одного шедевра	42
Муза и Булыжников	44

БЕЛЯВСКИЙ Юрий Исаакович

НЕЛЕГАЛЬНЫЙ РЫЦАРЬ

Фельетоны и рассказы

Редактор Э. И. Полянский

Техн. редактор Л. И. Курлыкова

Сдано в набор 24.10.89. Подписано к печати 29.12.89.
А 00441. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печ. Усл. печ. л. 2,10.
Усл. кр.-отт. 2,45. Уч.-изд. л. 3,22. Тираж 75000.
Заказ № 1430. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС
«Правда». 125865. ГСП. Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

© Издательство ЦК КПСС «Правда». Библиотека Крокодила, 1990.

ОТ АВТОРА

Родился при «культе личности». Детсадовские годы пришлись на «оттепель», однако среднюю школу оканчивал в условиях уже самого что ни на есть «волюнтаризма».

Последующую школу жизни проходил во «времена застоя». Именно тогда получил все, что имел: диплом, жену, квартиру и язву желудка.

Работать в «Крокодил» пришел на самой заре «перестройки». Начинал писать об «ускорении», но довольно быстро дошел до «плюрализма».

Больше всего интересует вопрос: как будет называться тот период времени, когда подойдет пора уходить на пенсию?

20 коп.

Индекс 72996

ISSN 0132-2141. Б-ка Крокодила. 1990. № 3. 1—48.

